Память Великой Победы

«ВЕРНУСЬ ТОЛЬКО С ПОБЕДОЙ...»

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА 1941–1945 гг.

Память Великой Победы

«Вернусь только с Победой…» Фронтовые письма 1941—1945 гг.

«ВЕЧЕ»

2020

«Вернусь только с Победой…» Фронтовые письма 1941—1945 гг. / «ВЕЧЕ», 2020 — (Память Великой Победы)

ISBN 978-5-4484-8509-1

Великая Отечественная война… Сколько горя и мук, сколько печали и радости заключено в этих трех словах, которые мы часто произносим, вспоминая 1941–1945 годы. Сменились поколения, сменились эпохи и имена государств, но одно остается без изменения: Великая Отечественная война. Фронтовые письма той ушедшей поры несли в себе радость побед и боль утрат, заботу о далеких родных и близких, пожелания и соболезнования с потерями, и главное – уверенность в победе над врагом. Для миллионов наших соотечественников весточки с фронта на годы становились ответом на самый важный и сокровенный вопрос: «Жив ли?» В очередной книге серии собраны фронтовые письма 1941–1945 годов из коллекции Российского государственного архива социально-политической истории.

ISBN 978-5-4484-8509-1

, 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Предисловие 6
Пролог 19
Фронтовые письма 1941–1945 гг 20
Конец ознакомительного фрагмента. 39

«Вернусь только с Победой…» Фронтовые письма 1941–1945 гг Автор-составитель Н.К. Петрова

Живым и мертвым военнослужащим Красной Армии, победившим фашизм, их родным и близким
посвящается

Федеральное казенное учреждение Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ответственный составитель, автор предисловия и примечаний доктор исторических наук Н.К. Петрова

Рекомендован к печати Научным советом РГАСПИ 16 октября 2019 г.

© РГАСПИ, 2020
© Петрова Н.К. составление, предисловие, примечания, 2020
© ООО «Издательство «Вече», 2020
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020
Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА…

Сколько горя и мук, сколько печали и радости заключено в этих трех словах, которые мы часто произносим, вспоминая 1941–1945 годы.

Сменились поколения, сменились эпохи и названия государств, но одно остается без изменения: *Великая Отечественная война*. Были и остаются попытки изменить это название, и в первую очередь это касалось понятия «**Великая Отечественная**». А разве она не была такой? Вспомните, кто забыл, а кто не знает, то узнайте, что 22 июня 1941 г., после сообщения о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, когда в 4.00 часа утра начали бомбить мирные города и села, когда фашистские части начали наступление на западных границах страны, первой реакцией у народа было чувство растерянности. Почему это случилось?

Как это могло произойти после подписания Договора о ненападении в августе 1939 г., торгово-кредитного соглашения, которое предусматривало предоставление СССР 200-миллионного кредита на пять лет при 4,5 % годовых? Помимо этого были заключены хозяйственные договоры между Германией и СССР от 11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г., которые предусматривали дальнейшее развитие отношений и т. д. И после всего этого – вероломное нападение на Советский Союз.

22 июня 1941 г. разрушило мирную жизнь страны. Что же теперь делать? И вот ответ на этот последний вопрос каждый решал для себя сам. Документы свидетельствуют, а живые очевидцы тех дней подтверждают, что единый порыв народа был заключен в желании вооружаться и бить, громить врага, сделать все, чтобы защитить Родину, а это значит защитить своих детей, родных, все, что сделано и делалось на благо Родины. Первая растерянность от неожиданности того, что произошло, сменилась желанием влиться в ряды Красной Армии. В военкоматы пошли добровольцы, началась мобилизация в ряды Красной Армии, эвакуация мирного населения, промышленных объектов…

«Была бы Родина…» – вот что было главным для тех, кто хотел воевать, кто рвался на фронт. Таким был и поэт М. Кульчицкий, 1919 г. рождения, студент Литературного института, который ушел на фронт в декабре 1942 г. и погиб в 1943 г.

Я раньше думал «лейтенант»
звучит: «налейте нам!»
И, зная топографию,
он топает по гравию.
Война ж совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда,
черна от пота,
вверх
скользит по пахоте пехота.
Марш!
И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чёботы
весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде

чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино[1].

Начало войны потребовало перестройки всей жизни общества. Мобилизация в Красную Армию, эвакуация населения, перестройка промышленности на военный лад и т. д. Не будем забывать, что в это время потребовалась организация агитации и пропаганды на необходимость борьбы с внешним врагом. Но внутри страны были и те, кто в душе радовался сложившейся ситуации и ожидал прихода врага. И об этом тоже не должны были забывать все: и организаторы защиты, и само население.

Несмотря на огромные трудности, созданный Государственный Комитет Обороны взял под контроль все направления в жизни государства, обеспечив защиту народу, организацию на борьбу с фашистским агрессором. Об этом созданы многотомные труды, монографии и статьи отечественных и зарубежных исследователей. Время свидетельствует, что еще не все проблемы и не до конца изучены. Они ждут своих исследователей, тем более в процессе рассекречивания архивных материалов открываются новые источники и новые данные.

Это весьма отрадный факт. Но в то же время происходит потеря других источников, в частности речь идет о фронтовых письмах 1941–1945 гг. История их собирания ведет свое начало еще с военных лет, но… Источники личного происхождения, в первую очередь письма и дневники, продолжительное время были вне поля зрения архивов, а следовательно, и исследователей.

Начало собранию документов рядовых участников войны положили журналисты и писатели, отсылая в архивы собранные или присланные им материалы. Это то, что получило впоследствии название «устной истории». Поэтому уже в годы войны интересные письма времен Великой Отечественной войны отложились в материалах выставки ЦК ВЛКСМ «Ленинско-Сталинский комсомол 1942–1953 гг.»[2], а также в архивах Владимирской, Московской, Ростовской областей, а также г. Москвы. Фронтовые письма – это особые документы. Герой Советского Союза, генерал армии П.И. Батов считал, что человек, «научившийся смотреть смерти в глаза, не лжет, и поэтому каждая строчка фронтового “треугольника” – правдива. Нам и нашим потомкам эти строки, нередко оборванные пулей, многое открывают в психологии старших поколений»[3]. Те, кто писал их, не думали, что эти письма когда-нибудь увидят свет. Под свист пуль и осколков солдаты спешили поведать о своих мыслях и чувствах, желаниях и мечтах. Первое время в тыл шли открытки, это были короткие сообщения: жив, здоров, пишите, и, если позволяло место, то поклоны и приветы родным и любимым. Затем появилась другая форма фронтового письма, их называли «секретки», в форме «треугольника», всего одна страничка, написанная карандашом. Много ли там можно было написать? Да и почерк у каждого был разный, но каждая строка «треугольника» была искренней. Как правило, воины регулярно, раз в 3–4 дня, как они сами сообщали в своих письмах, отсылали в тыл немудреные письма и тем самым сообщали о том, что адресат «жив и здоров», и того же желали своим близким. Но война есть война. И многие из писем остались неоконченными, оборванными пулей или осколком. Среди таких писем, которые сохранились, есть письма, написанные перед боем, но которые их авторы не успели отправить. Их нередко обнаруживали в карманах гим-

[1] Цит. по «Литературная газета» 2019 г., 7—13 августа, с. 1, 14.

[2] Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. М-7. Оп. 1–3. Сейчас это фонд так и называется: «Выставка ЦК ВЛКСМ Ленинско-Сталинский комсомол 1942–1953 гг.».

[3] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1401. Л. 26.

настерок погибших, и затем членами похоронных команд, как правило, отправлялись указанным адресатам.

В Российском Государственном архиве социально-политической истории хранятся две уникальных коллекции фронтовых писем: письма-воспоминания участников Великой Отечественной войны, поступившие в редакцию «Комсомольской правды» в 1961–1965 гг. и переданные в архив спустя 30 лет. Это около 2 тыс. писем, свыше 22 тыс. листов, хранятся в Ф. М-98. Незначительная часть этих писем, полученных в ходе собирания писем, была опубликована на страницах «Комсомольской правды» в 1961–1965 гг. А ведь авторы этих писем, отсылая их в редакцию газеты, верили и надеялись, как им обещали организаторы акции по собиранию писем-воспоминаний, что письма будут опубликованы и изданы отдельной книгой. Только в XXI веке письма, написанные участниками Великой Отечественной войны, тружениками тыла, бывшими детьми, которые испытали ужасы войны, увидели свет. Вышли в свет четыре сборника, в которые вошли письма, освещающие наименее известные события и их детали[4].

Вторая бесценная коллекция РГАСПИ – это документы рядовых участников войны и членов их семей, поступившие в процессе поисковой операции «Фронтовое письмо» в 1980-е годы. Преимущественно это солдатские письма и письма младших офицеров. В обществе понимали, что далеко не все письма, которые хранились в домашних архивах, сданы в государственные архивы или музеи. Понимали, что с каждым годом из жизни уходит все больше людей, воевавших за Победу, а с ними уходят и неизвестные эпизоды войны. Поэтому в Советском Союзе в 1980-е годы по инициативе ЦК ВЛКСМ прошла акция под названием «Фронтовое письмо». ЦК ВЛКСМ совместно с редколлегией журнала «Юность» провели читательскую экспедицию под названием «Память» по сбору фронтовых писем и фотографий периода Великой Отечественной войны, которая имела широкий отклик у населения. Присылали личные письма, письма своих фронтовых друзей, которые рассказывают о массовом героизме советского народа, о связи тружеников тыла с фронтовиками, о вере в Победу.

По мере поступления писем обсуждался вопрос о **создании общесоюзного хранилища фронтовых писем, но юридически оно так создано и не было**. Но, к сожалению, этого не случилось: в стране начался этап, который получил название «Перестройка», и вопрос о сохранности фронтовых писем отошел на неопределенное время на второй план. *Таким образом, местом, где хранятся фронтовые письма, дневники, воспоминания, фотографии, собранные в 1981–1985 гг., в ходе операции «Фронтовое письмо», является РГАСПИ. В архивохранилище № 2, в Фонде М-33 хранится свыше 1480 ед. хр. Это более 15 тысяч писем и 31 ед. хр. воспоминаний.*

Свыше 50 писем отобрала себе редакция журнала «Юность», и на их основе в течении 1980–1981 гг. был сделан ряд публикаций в разделе журнала под названием «Подвиг». Эти письма, частично обнародованные, в архив не вернулись. А дальше время вносило свои коррективы в собирание и использование фронтовых писем.

В 2019 г. в издательстве «Вече» вышла книга «Милые мои, ждите! Я вернусь… Фронтовые письма 1941–1945 гг.», в которой подробно говорится о том, как проходил сбор фронтовых писем в 1980-е годы. Проделана была большая работа. Но… слишком поздно.

Мы все потеряли огромное наследие, утратив огромное количество фронтовых писем. По **официальным данным, в действующую армию ежемесячно доставлялось до 70 млн писем.** В действующую армию в годы войны было адресовано около 40 % всех писем страны через гражданские отделения связи[5]. По данным Управления военно-полевой

[4] См.: Самый памятный день. Письма-исповеди. М., 2010; Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. М., 2011; Знать и помнить. Преступления фашизма в годы Великой Отечественной войны. М., 2012; Женщины Великой Отечественной войны. М., 2014. Все эти сборники были переизданы в 2018 г. в серии «Память Великой Победы». Автор предисловий, примечаний и ответственный составитель д. ист.н. Петрова Н.К.

[5] Почта военно-полевая. Большой филателистический словарь. М., 1988. С. 164, 232. Великая Отечественная война 1941–

почты, в годы Великой Отечественной войны **в тыл было отправлено 2 млрд 794 млн писем, не считая денежных переводов и посылок[6].**

Напомним, что в годы Великой Отечественной войны для поездов с почтой из тыла предоставляли «зеленый путь», никаких задержек, как поездам особой важности. Связь воинов с тылом, их душевное состояние играли большую роль. К сожалению, из-за бомбежек часть писем пропадала, но по прибытии почтовых поездов к месту назначения вагоны немедленно разгружались, и почта доставлялась к месту назначения. Почтальоны были только мужчины, потому что упаковки с письмами были не под силу женским плечам[7].

Фронтовые письма несли в себе радость побед и боль утрат, заботу о далеких родных и близких, пожелания и соболезнования с потерями, и главное – уверенность, что враг будет не только разбит, он будет **уничтожен**, а воины Красной Армии вернутся домой, обязательно вернутся, и только с Победой.

Но среди писем погибших встречаются письма-завещания детям. А также письма-записки, написанные в последние минуты жизни с полным пониманием, что осталось жить несколько мгновений. И вот эти и многие другие фронтовые письма могут рассказать именно то, что не в состоянии рассказать официальные документы военных ведомств. Бесспорно, что письма фронтовиков представляют огромную духовную ценность.

Далеко не все письма военных лет сохранились: одни не дошли до адресатов из-за нерадивости работников почты в тылу, другие по недомыслию детей ушли на растопку печей, или на них рисовали из-за нехватки бумаги маленькие дети. Письма терялись в процессе поиска адресата во время эвакуации и др. Но то, что сохранилось, мы – хранители памяти о ВОЙНЕ, не все собрали, а сейчас то, что собрано, **угасает** от времени и условий хранения. Может, полезно будет вспомнить всем, от кого зависит спасение фронтовых писем 1941–1945 гг., что писал Владимир Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» о том, что такое память: «*Память относительно прошлого, то же, что заключенье, догадка и воображенье относительно будущего»*[8].

Письма поступали разные, не похожие одно на другое. Но каждое имело свою историю. Даже тогда, когда они были единичные, эти фронтовые письма. В этих случаях они были скорее информационные или обличительные, как, например, письмо от капитана в отставке Логинова А.А. о бесчеловечном отношении фашистов к раненым воинам Красной Армии. В конце января 1945 г. в 8 км юго-западнее г. Дунапентеле (Венгрия) около полузакрытой траншеи наступившие части Красной Армии нашли истерзанные немцами тела раненых советских воинов Несмелова Павла Михайловича и Стефанишина Тимофея (отчество не указано). Там же было последнее письмо-завещание раненого Павла Несмелова, который верил в Победу, которую он не увидит. Поэтому в конце он написал: «Желаю счастливо закончить войну и не попасть в такое несчастье как я.

Прощай друг. 21/I – 1945 г. Несмелов Павел»[9].

У каждого из этих писем своя судьба. Есть письма, начатые перед боем, но дописанные после боя рукой командира. В семью Лихманова С.П. пришла похоронка и вместе с ней одно письмо, которое за него окончил его командир, лейтенант Дутов. Сын солдат успел написать перед боем: *«Добрый день! Здравствуйте, дорогой отец! С горячим приветом к вам ваш сын*

1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 637.

[6] Газ. «Комсомольская правда». 2015. 11 мая; hhtps://shool-science. ru

[7] Подробнее см.: *Пересыпкин Н.Т.* Связь в Великой Отечественной войне. М., 1973.

[8] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1980. Т. 3. С. 14.

[9] Это письмо было передано майору Горюнову, а тот отправил его в редакцию газеты «Советский воин», где оно и было опубликовано 3 февраля 1945 г. Поиски местонахождения родных П. Несмелова и Т. Стефанишина были безрезультатны. Мы помещаем это прощальное письмо погибших советских воинов, как их пожелание счастья нам, наследникам Победы. Может быть, откликнется кто-то, кто знал их или их близких.

Спартак… Сообщаю, что я жив, здоров чего и вам желаю. Теперь несколько слов о свой жизни, а живу я как и все фронтовики. А как? Дальше, дорогая мамаша и отец, я опишу вам как командир о моем бойце, т. к. Вам сын начал письмо писать, но не успел написать, пошел выполнять свой долг, долг перед Родиной: стоять на посту часовым на границе Советской территории, чтобы не допустить фашистских захватчиков… Ваш сын помер смертью славных на посту часовым. Его сразила фашистская пуля и отняла его молодую жизнь сразу без агонии, наповал, попаданием пули в голову. Мы, бойцы, командиры поклялись отомстить… И мы отомстим… Вы, дорогие родители, не печальтесь, настройтесь лучше работайте в тылу, отдайте все для Победы над фашистскими захватчиками. Ваш сын похоронен с честью воина.

С приветом к Вам лейтенант Дутов»[10].

Ни один день Великой Отечественной войны не был похож на предыдущий. Это мнение всех ее участников. Тишина одного дня отличалась от тишины предыдущего дня. А уж день боев – это особая картина военной жизни, как пишут об этом участники тех далеких дней. Так и наша память о войне разнолика: у участников боев она одна, а у тех, кто ожидал этих участников в тылу, – другая. И вот эта другая память – она не менее долговечная и мучительная.

Уже после 9 мая 1945 г., после радости о Великой Победе во многих семьях вместе с радостью поселилась память о тех, кто не вернулся. И на этих воспоминаниях воспитывались поколения. Без громких фраз, без причитаний, из года в год в семьях погибших вспоминали павших.

Если проследить по письмам, пришедшим в архив, это было, как правило, 9 мая каждого года, после мая 1945 г. В одном из писем от семьи Беклемишевых из Уфы подробно описано, как это происходило. Своего дедушку Вяткина Николая Александровича 1895 г. рождения, внуки не видели, знали его только из рассказов мамы по его фронтовым письмам. «Когда мы были еще маленькими, – пишет его внучка, – особенно сильно помнили 9 мая, потому что в этот день мама обязательно читала письма своего отца и плакала, и сейчас, став взрослыми, мы обязательно собираемся в этот день у своих родителей, и мама читает нам письма дедушки»[11]. Говорят, что надежда умирает последней. Может, и сейчас, в год 75-летия Победы, кто-то откликнется из тех, кто воевал вместе с Вяткиным Николаем Александровичем из Уфы. Эта семья, как и многие другие, отсылая письма в 1980-х годах, надеялись, что после их публикации найдутся товарищи, которые знали их родственников. Но… Эти письма тогда не были опубликованы.

На войне бывали различные случаи, в частности, когда семья получала извещение о гибели, с указанием места захоронения, а спустя какое-то время оказывалось, к счастью, что человек этот жив. Так случилось и с Алябьевым Александром Захаровичем из Вологодской области, из деревни Кошкино. В годы войны он был наводчиком станкового пулемета Максима. Служил в пулеметной роте 2-го батальона 14-го стрелкового полка, 72-й стрелковой дивизии, 21-й армии 1-го Украинского фронта. В конце января 1945 г. во время наступления, уже на той стороне Одера был тяжело ранен в голову. Пуля вошла в мочку правого уха и вышла в левой части шеи.

Вместе с другими ранеными его подобрали и разместили в одном доме. В ходе боя наши части вынуждены были отступить, и раненые попали к немцам, которые их расстреляли: сидячих, лежачих, кто в каком положении находился. «По какой-то случайности я не был убит, – пишет Алябьев А.З. в своем письме. – И дождавшись ночи, пополз на зарево, думая, что там наши, но доползти до своих не хватило сил и рана в голове и еще оказалось, были обморожены обе ноги. Дождался я своих в одном из сараев, расположенных в поле»[12]. После освобождения

[10] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 100. Из письма Клочковой – сестры Лихманова С.П.

[11] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 157. Из письма Беклимишевых из Уфы.

[12] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 582а. Из письма Алябьева А.З.

этой территории Алябьев А.З. попал в госпиталь, прошел лечение и был отправлен домой, где его уже никто не ожидал увидеть живым, потому что мать получила извещение за подписью зам. командира полка по политчасти, что «сын Ваш погиб и похоронен на кладбище дер. Булгасер». А в апреле 1945 г. родители получили похоронную из военкомата.

К счастью, это была ошибка. Наводчик Алябьев остался жив, но без обеих ног. Без всяких медалей и орденов за участие в этой операции, где чудом не погиб. И как он сам написал, что не награжден «за те бои, наверное, потому, что считался убитым». Но спустя 35 лет он написал «не из-за славы или награды», а потому что он, Алябьев А.З., инвалид Великой Отечественной, отец взрослых детей. И он хотел бы узнать, что «не один же, наверное, остался жив после того расстрела и если вы напечатаете это письмо, то может кто и откликнется…», и он им скажет: «Здравствуйте!…»

Но… письмо его, как и почти 2 тыс. других участников войны, которые получили в ходе акции «Фронтовое письмо», положили в архиве на полку. Сейчас текст письма включен в сборник, который вы держите в руках. Но сомневаюсь, что его увидит человек, о котором выше шла речь.

Готовя этот сборник фронтовых писем 1941–1945 гг., мы преследовали цель вспомнить о героизме не только авторов писем, но вспомнить и тех, о ком они писали, вспомнить их боевых друзей-товарищей. Из сегодняшнего XXI века они говорят им и нам: «Милые мои! Здравствуйте… С Победой!»

В то же время публикация фронтовых писем и воспоминаний – это «большое, хорошее и полезное дело». И оно будет «памятью, которую мы обязаны бережно хранить и передавать нашим детям, внукам, правнукам», как справедливо написал в сопроводительном письме сын фронтовика Виктор Головин, сам кадровый офицер, который служил в Воздушно-десантных войсках, для которого биография отца[13] была примером выбора профессии. И он считал, что письма его отца, деда его сына, будут примером служения Родине. Такую точку зрения высказывали почти все, кто присылал письма родных участников Великой Отечественной войны.

Фронтовые письма 1941–1945 гг. – это письма не из далекого прошлого. Это письма-советы, письма-рассуждения о том, как надо планировать жизнь, чтобы она была лучше, радостнее, как воспитывать детей, чтобы выросли здоровыми, грамотными, полезными обществу, и др. Интересно, что эти и близкие им темы были предметом рассуждения людей разного возраста и национальности, разных гражданских профессий и независимо от образования.

Нельзя не вспомнить при этом сержанта Анатолия Марковича Цигельмана и его письма к своей дочери по имени Бебе, хотя писем сохранилось всего несколько штук. Письма датированы июлем 1942 г. из действующей армии, 324-й стрелковый полк, 1-й взвод, 1 рота. Лето 1942 г. – это очень напряженное время на фронте, когда шли бои на всех направлениях. И именно тогда сержант А.М. Цигельман, будучи уверенным, что победа будет за нами, пишет своей дочери 19 июля 1942 г.: «Мое счастье, моя родная доченька, Бебуся. Ты моя радость, как я рад, что получил твое письмо… Бебуся, нужно приложить все силы и старания, но поступить именно в этом году в медицинский. Ты меня этим осчастливишь. Помни, что это моя настоятельная просьба и требование. Помни, нужны врачи – это будет счастьем для тебя и для нас… Береги себя. Скучаю».

Эта же мысль о необходимости учиться – в письме от 22 июля 1942 г.: «Мое счастье, родная доченька Бебуся, твою открытку получил сегодня… Умоляю тебя, приложи все старания и все силы и обязательно поступи в этом году. Помни, что нужны кадры. Бебуся, ты меня, наверное, послушаешь: никаких отступлений… Поступай учиться. Я здоров, настроение хорошее… Крепко целую. Твой навеки папа». Это письмо-завещание было последним. 28 августа

[13] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 38. Из писем Головина А.А.

1942 г. в боях за Новороссийск погиб А.М. Цигельман, отец двоих детей, бывший директором Артека в 1935–1937 гг.[14]

Фронтовые письма раскрывают характер тех, кто их писал, позволяют увидеть уровень образования, отслеживают отчасти национальность автора и т. д. Традиционное «Здравствуйте!..» или «Дорогие мои…» «Милые (милая) мои» иногда отсутствуют, и следует сразу изложение мыслей. Это бывает в двух случаях: письмо пишется короткое, так как впереди бой и нет времени, это во-первых, и, во-вторых, такая форма присуща тем письмам, где автор его недоволен лицом, которому адресует письмо. Но потом, излив недовольство, автор заканчивает письмо обычными фразами: перечислением лиц, кому адресованы приветы, поцелуями и просьбами писать много и часто.

В письмах семейных воинов много советов по хозяйству, по тому, как использовать деньги, и частые возражения, куда семья тратит деньги. «Я не знаю, Зинуся, как тебя еще просить. Ведь сколько раз тебе толковал, получила деньги, сообщи в письме просто “деньги получила”». А ты мне опять пытаешься представить целый финансовый отчет. Сколько я тебе выслал денег, не знаю, не подсчитывал и не собираюсь подсчитывать. Я доволен одним, что деньги, высланные тебе, нашли свое место. Чего и требовалось доказать», – подвел итог Борис Бубиновский в письме к своей жене весной 1942 г.

Стараясь придать бодрости своим далеким и любимым близким, которые были в глубоком тылу, авторы фронтовых писем не только обещали добиваться лучших результатов в боевой и политической подготовке, но высказывали предложение о соревновании. «… Я, как твой муж, а ты моя жена – вызываю тебя на социалистическое соревнование. Я буду беспощадно громить немецких гадов на временно оккупированной или вражеской территории, а ты обязана показывать образцы самопожертвования…

Милая Зинуля! Ты пишешь, что сильно соскучилась. А я-то как! Ты себе представить не можешь. Живу только одной надеждой, что скоро разгромим врага, и я вернусь. О! Это будет жизнь. Спокойная, семейная жизнь на долгие годы»[15], – мечтал Борис Бубиновский в мае 1942 г., не зная о том, что в сентябре этого же года его семья получит извещение, что он пропал без вести во время военного десанта.

Отличительной, особой чертой фронтовых писем является то, что все они проникнуты надеждой на Победу, мечтой на возвращение домой. Это мы отмечаем в письмах, независимо от даты их написания: будь это осень – зима 1941 г. или весна 1945 г. Даже находясь в нелегких фронтовых условиях, наши близкие беспокоились о тех, кто остался в тылу и продолжает их трудовые дела. Это было присуще воинам независимо от их возраста. И как тут не вспомнить Яковенко Якова Федоровича 1901 г. рождения, уроженца Омской обл., село Там-Чилик. Он был призван на фронт в 1941 г. Погиб, т. е. пропал без вести в 1943 г. в боях под Ленинградом[16].

В одном из последних писем Яковенко через свою сестру Марию обратился к своим односельчанам-колхозникам: «*Передай вслух на току. Спасибо вам, тов. колхозники, колхозницы, что вы меня вспоминаете, как инициатора полеводства. Привет вам, товарищи колхозники и колхозницы, я узнал, что богатый урожай убираете товарищи, я уже писал вам письмо, жду ответа с току. Маня, напиши и пусть работающие около тебя по строке черкнут. Ужас сейчас одно изучение военного дела. Охота была убирать богатый урожай. Но этот чертов гад Гитлер спортил жизнь. Я очень беспокоюсь обо всем и здесь и об уборке. Работай, Мария, за деньги и за трудодни, будь прилежной, передай почтение бригадиру Е.П. А.М. пишу уже темным вечером. До свидания, сестра Мария.*

---

[14] А дочь его выполнила просьбу отца: исполнила его мечту, стала педиатром и посвятила жизнь работе с самыми маленькими новорожденными детьми. Но это было потом, а в годы войны она работала в госпитале и училась, работала везде, куда направляли. Из материалов семейного архива Б.А. Цигельман.

[15] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 289. Из письма Бубиновского Б.Е.

[16] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 289. Из письма Бубиновского Б.Е.

Твой брат Я.Ф.

…Пиши в письме как идет уборка, писать мне особо больше нечего, наше дело одно – защищать родину. Вы, наверное, читаете газеты, знаете, что враг лезет. Работая на току, особо следи за ворохами зерна, бери мой опыт, как я работал, потому что дожди. Почаще проверяйте… Передай привет тому, кто у нас на квартире, работайте, не скучайте. Нас здесь много таких как я.

С приветом Я. Яковенко. Привет Афанасию и всем колхозникам»[17].

Что здесь можно добавить?! Это и сейчас он, Я.Ф. Яковенко, шлет нам привет из далеких фронтовых лет.

Письма с фронта, независимо от того, сколько лет было за плечами у авторов, наполнены беспредельной жаждой жизни, любовью к Родине и жгучей ненавистью к ордам фашистских варваров, разом оторвавших советских людей от мирной жизни, от творческих поисков и семейных радостей и заставивших их встать с оружием в руках на защиту своей страны. Эти письма пронизаны высокой гражданственностью, тревогой о близких, бесконечной любовью к женам, разлуку с которой они остро переживали. Для многих из них счастье было ярким, но несправедливо коротким. Война разбросала их за тысячи километров.

И словно мало было суровых невзгод военного времени и боли разлуки, солдаты и офицеры иногда по нескольку месяцев подряд не получали писем, хотя их близкие непрерывно писали, это было особенно мучительно, потому что письма были единственной связующей их ниточкой с близкими.

«27.05.1942 г. …Милая Кокалавка! Ты жалуешься, что редко получаешь от меня письмо. Я не знаю, прямо, что делается на этих почтах. Мало того, что воруют, что посылаешь, так и письма не могут доставить своевременно. Ведь я аккуратно каждую неделю писал тебе письмо. У меня рождается подозрение, что уж не образовалась ли в Акмолинске опять шайка воров-почтальонов, подобно шайке жуликов-почтальонов, раскрытой там в 1941 г. Помнишь, я рассказывал, что подвале помещения школы ФЗО обнаружили более 2000 писем и случайных корреспонденций, брошенных туда почтальонами после предварительной проверки их содержимого. Так, наверное, они опять бросают письма куда-нибудь в подвал»[18].

А этих писем ведь так ждали и надеялись.

На фронте адаптация к суровой военной действительности проходила быстро. И молодое военное пополнение в своих письмах домой писало об обстрелах как об обычном явлении. *«На нашу роту сегодня наступали эти гады, но мы наступление приостановили. И враг стоит. Но сильный ведет минометный огонь, но и наши не молчат. Оказывается, что было (какие были трудности не на войне) это пустяки, а здесь так тяжело приходится – все приходится переживать… Вот писал, вдруг. …упали несколько мин недалеко от меня. Но я цел. Возможно, следующая, упадет – ничего не поделаешь. Теперь уже такая пошла жизнь»*[19].

Как бы тяжело ни было на фронте, наши солдаты и офицеры независимо от пола и возраста ВСЕГДА старались в письмах успокоить своих родных и близких.

В августе 1941 г. краснофлотец Кайда Владимир из госпиталя писал домой: *«Мама, милая Мама! Самое тяжелое чувство – чувство тревожной неизвестности. Но ничего, крепись, Мама! Наш народ, нашу Родину победить нельзя! Все равно, рано или поздно, но мы победим!»*[20] Это чувство уверенности так много значило для тех, кто был на фронте и в тылу.

---

[17] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 33. Из письма Яковенко Я.Ф.

[18] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 289. Из письма Бубиновского Б.Е.

[19] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 76. Из письма Шагвалиева М.М.

[20] Там же. Д. 81. Из письма Кайды В.Н.

Весной 1943 г. командир пулеметного расчета, младший лейтенант Перетокин Лев Михайлович писал: *«Немец рвется, но мы сдерживаем свои рубежи, нанося ему очень большие потери. Мама, ждите с победой… Вперед на Запад! Враг будет разбит, победа будет за нами! Били, бьем и будем бить немца»*[21]. Это было последнее письмо Льва Перетокина. Но он внес свой вклад в Победу в мае 1945 г.

Так думали и действовали все, кто включился в борьбу с «людоедом Гитлером», – как писал политрук Музуров Иван Михайлович. И он отмечал, что «*настроение, конечно, сейчас воевать, побеждать, обеспечивать Советскому народу свободную, счастливую жизнь*». Его жизненное кредо: «*Кто хочет жить, чтобы его Родина была независимой, тот никогда смерти не боится»*[22]. Жизнь доказала правоту его слов, но он погиб в бою в Калининской области недалеко от города Торопец.

Находясь на фронте, те, кто совсем недавно был школьником, по мере возможности поддерживали связь-переписку не только со своими родными, но и с товарищами, с учащимися той школы, в которой учились. Когда эти письма с фронта оставались без ответа, следовало повторное письмо: вежливое, без грубости, прочтя которое, вероятно, становилось стыдно нерадивым школьникам. Думаю, что сейчас такие письма вряд ли кто пишет. Вчитайтесь! Ниже провожу текст из письма Полонского В.А., который с 19 лет на фронте.

«10.04.1944 г. Здравствуйте, все учащиеся!

Простите, что я еще раз задерживаю ваше внимание на своих письмах, но вы в ответ мне ни разу не писали, а я хочу знать и рассказать своим друзьям, как учатся мои друзья по школе. Когда я уезжал, то мы договаривались, что вы будет писать все вместе и каждый в отдельности, не улыбайтесь, я ведь располагаю и местом, и временем, и у меня есть условия, чтобы писать вам (это письмо пишу лежа на соломе при мерцании горящего телефонного кабеля).

Эх, вы даже не знаете, как читаются ваши письма на фронте. Слова ваших писем пьют, как человек, которого измучила жажда, и он припал ртом к источнику. С каждым письмом вливаются мощные жизненные силы. А если нет долго писем или они не ласковые, то душа начинает болеть и думаешь, что тебя все позабыли. Читаете вы сейчас и думаете: “Ох, ты нюня!” О, нет, это не сердечная меланхолия, не слабость – это простое человеческое чувство каждого, кто стоит со мной рядом»[23].

Да! «Простое человеческое чувство каждого», к нему никогда и никто не мог привыкнуть на войне. Потеря товарищей, когда они падали сраженные пулей, вызывала (по словам фронтовиков) чувство мести, желание с удвоенной силой наступать, идти вперед, чтобы «быстрей дойти до цели».

Фронтовые письма… Трудно перечислить все темы, которые они затрагивают. В них и проблемы повседневного бытия, и рассуждения о смысле жизни вообще и о любви в частности, о девушках, о женах, о женщинах на войне. И очень много писем-мечтаний о будущем, хотя между строк, а иногда и прямо идет рассуждение о том, что не все доживут до Победы. А сколько слов высказано в адрес детей, как завидовали тем, у кого уже есть дети! Письма от фронтовиков в тыл – это была живая линия связи фронта с тылом, информация о себе и желание узнать о жизни своих товарищей.

О роли переписки в годы войны есть немалое количество публикаций, особенно много их появляется в преддверии круглых дат Великой Отечественной войны. Но сколько бы публикаций ни появилось, они не в состоянии полностью передать чувства тех, кто писал с фронта. Пока часть стояла «на месте», бойцы, офицеры и рядовые пользовались временным затишьем и возможностью писать часто, понимая, что в ходе наступления осуществлять это будет трудно.

---

[21] Там же. Д. 1191. Из письма Перетокина Л.М.

[22] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1145. Из письма Музурова И.М.

[23] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 198. Из письма Полонского В.А.

Авторы писем предупреждали: «*Если долго не будет от меня писем, чтобы ты напрасно не волновалось, так как может создаться такое положение, что писать никак невозможно. Конечно, на войне все может случиться, но отсутствие связи ничего еще не говорит*»[24].

Головченко Матрене Львовне было 46 лет, когда она получила извещение о гибели своего сына Меркурия в ноябре 1943 г. И, несмотря на годы, отсылая в 1980 г. письма сына на хранение в архив, мать Головченко из Днепропетровска в сопроводительном письме написала: «… Я своего сына до сих пор жду. С уважением к вам Матрена Львовна 1897 г. р.»[25]. Жду… И таких были миллионы.

В войну не всегда родные знали, где похоронен их родной человек. Иногда проходили годы и только тогда приходило сообщение с уточнением. Так случилось и с И.Т. Чугуй. Он был политруком, погиб 2 июля 1942 г. на мысе Херсонес. Останки его были найдены в землянке в 1955 г. и перенесены на кладбище в г. Севастополь[26].

Спустя 75 лет после окончания войны все еще продолжается поиск тех, кто ушел в бессмертие, унося с собой и место смерти.

Фронтовые письма – это сама история. Это память. А человек живет памятью. Вся полнота его духовной жизни зависит от умения помнить то, что не подлежит забвению годы, десятилетия, вечность…Их много, этих небольших, своеобразно неповторимых фронтовых солдатских писем. Прохудившиеся на местах сгиба, письма эти – сама история. Они призывали на борьбу с фашизмом одним своим видом. В углу многих конвертов призывом к мести застыли слова: «Смерть фашистским оккупантам». Нередки и стихотворные строки, полные любви к Родине.

За честь жены,
За жизнь детей,
За счастье Родины своей,
За наши нивы и луга —
Убей захватчика-врага!
Какое дело благородней
Борьбы с захватчиком-врагом!
А что вы сделали сегодня,
Чтоб завершить его разгром?

Но еще богаче духовная сущность писем. Их авторы – люди разных возрастов. Многие из них навсегда остались молодыми. Один из них – Фельдшеров Борис Иванович, который, не закончив десятого класса, в декабре 1941 г. ушел добровольцем. А в неполные 20 лет он уже командовал батальоном в звании капитана. На Сталинградский фронт попал сразу после шестимесячной учебы во Фрунзенском пехотном училище в звании лейтенанта. Затем Курская дуга и последняя битва за Псков. 19 января 1944 г. он был смертельно ранен. Он погиб, но в памяти боевых друзей, родных и близких навсегда остался молодым. Он был и остался человеком, который ни на минуту не сомневался в нашей скорой победе. Этим оптимизмом, уверенностью в своих силах, силах боевых друзей и дышали неровные строчки каждого письма от Бориса, посланного с передовой. По соображениям цензуры жестокие схватки с врагом он буднично называл работой. Он любил справедливость, всегда стоял на стороне правого дела. И эти черты были воспитаны в нем прежде всего его родителями, горячо любимой семьей. В одном из писем он, обращаясь к родителям, так и пишет: «От меня Вам большое-пребольшое

[24] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 390. Из письма Ваил М.Б.

[25] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 188. Из письма Головченко М.Л.

[26] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 106. Из письма Чугуй И.Т.

спасибо. Я очень благодарен и очень доволен таким воспитанием, каким Вы воспитали меня. Я – первый сын, пускай и остальные двое будут так же воспитаны. Вот победим, тогда все упущенное за время борьбы с этими кровопийцами возьмем…»[27]

В тех случаях, когда в семье не сохранились или в очень плохом состоянии письма с фронта, то родственники прислали фотографии своих близких и их товарищей, как это было с Середой Василием Трофимовичем и его минометным расчетом, командиром которого он был. При этом родственники надеялись, что, может быть, кто-нибудь из тех, кто на снимке, откликнется и расскажет родственникам о последних днях Василия Середы[28].

И писем такого характера немало. Но что интересно. Есть удивительно выразительные фотографии, которые емко отражают как обстановку, в которой делался снимок, так и характер тех, кто зафиксирован на фотографии. Но время не жалеет и фотографии: они нуждаются в оцифровке, потому что снимки, как и тексты, со временем угасают. Ушел в вечность и 17-летний доброволец Мамаев Харитон Дагкоевич из осетинского села Куян. Он был единственным сыном в семье. О нем сохранилась только **одна фотография и 2 письма**. Одно из них написано на немецкой карте, и второе на газете с просьбой к родителям: «Вы не беспокойтесь… не было время писать вам письма… Если бог даст остаться живым, то вернемся и все узнаете…»[29]

Не пришлось! Погиб при форсировании Днепра в августе 1943 г.

Изучение, просто чтение фронтовых писем еще раз свидетельствует о том, что **Отечественную войну смог выиграть только советский народ, народ-патриот**, доказавший всему миру свою волю и способность к борьбе с врагом. *Подвиг народов нашей Родины в годы Великой Отечественной войны – это своеобразный исторический памятник силе человеческого духа*. Напомню слова известного русского философа Ивана Ильина: «Россия есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся…»[30] Эти слова были сказаны давно, но они и сейчас актуальны как никогда.

* * *

Выше мы говорили о том, что письма поступили в результате акции «Память», организованной по инициативе ЦК ВЛКСМ и поддержанной широкой общественностью страны в 1981–1985 гг. Одной из главных ее задач являлся сбор и обеспечение сохранности доверительных реликвий, писем, дневников, фотографий участников Великой Отечественной войны. Ставилась задача не только выявления и сбора документов периода Великой Отечественной войны, но и их широкое использование в героико-патриотической работе среди молодежи.

Работа освещалась широко в печати с указанием адреса, куда можно отправлять фронтовые письма. И по указанному адресу начали поступать фронтовые письма, которые хранились в семьях. Людей привлекла идея создания Общесоюзного хранилища фронтовых писем, а также обещание, что они будут опубликованы.

Поступления были не одинаковые по объему. От одних поступало одно-два письма, от других – десятки, сотни. Ценность от этого их не уменьшается. Фронтовые письма отразили всю географию Советского Союза, с одной стороны. С другой стороны, во фронтовых письмах, вместе взятых, отразилась общая судьба народа. Для них характерна исключительная искренность и душевная обнаженность. Читая их, мы снова ведем доверительный разговор с друзьями, которых уже нет…

Этот сборник имеет ряд особенностей.

---

[27] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 38. Из писем Фельдшерова Б.И.

[28] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 897. Из письма Середы В.Т.

[29] РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 33. Из писем Мамаева Х.Д.

[30] Цит. по газете «Комсомольская правда». 2009. 10 июля.

Во-первых, в нем представлены не *только фронтовые письма 1941–1945 гг.* и воспоминания участников войн, а также ряд военных фотографий. Вы можете сказать: что в этом особенного?! Ведь опубликовано немало книг в центральных и региональных издательствах, в которых собраны письма участников Великой Отечественной войны. Да, и вы, уважаемый читатель, будете правы.

Но представленный сборник отличается от них тем, что в него включены **последние,** обращаю ваше внимание, последние письма, которые хранились в семьях фронтовиков или их близких. Те, кому принадлежали эти письма – это их отцы, матери, жены, невесты, другие родственники или очень близкие друзья. К началу 1980-х многие из них скончались или были уже далеко не молодыми, и некому было передать письма-реликвии на хранение. В этом случае и принималось решение: отправить дорогие их сердцу и памяти письма, фотографии в Центр хранения фронтовых писем, который планировалось создать.

Одни отсылали письма сами, сопровождая их краткой информацией о тех, кем они были написаны.

Но также поступали письма, которые случайные люди находили выброшенными возле мусорных ящиков, когда владельцы писем умирали, а вещи их, в том числе и письма, новые жильцы выбрасывали. В сельской местности пачки писем находили на чердаках домов, в которые въезжали новые владельцы. И жизнь продолжалась…

Вторая особенность представленного сборника в том, что кому бы ни были адресованы включенные письма, это письма, наполненные словами уверенности в Победе, любви, заботы и надежды на будущее счастье после войны.

У сборника две цели. Первая – научная, связанная с введением в научный оборот неопубликованных документов РГАСПИ. Вторая – общечеловеческое признание писем, обнародовать и сохранить для потомков имена непосредственных участников Великой Отечественной войны, а также показать происходившие события 1941–1945 гг. глазами их участников. Участники эти мечтали жить, но не ценой жизней других, найдя тихое местечко в тылу. И все авторы писем мечтали любить большой нежной любовью. Может быть, и поэтому, найдя в поле василек или другой уцелевший в огне войны цветок, отсылали своим любимым с просьбой сохранить до возвращения домой. Такие цветочки, которые не дождались своих отправителей, присланы с письмами в фонд «Память».

Просмотрено около половины писем в фонде. Очень многие из них требуют реставрации, многие вообще нельзя прочесть, стерся карандаш, слова размыты слезами или последними каплями крови автора письма. Отсканировано около 300 писем, что позволило подготовить две книги писем фронтовиков к 75-летию Победы. Первая из них под названием: «Любимые, ждите! Я вернусь… Фронтовые письма 1941–1945 гг.» вышла весной 2019 г. тиражом 700 экз. в серии «Память Великой Победы».

Письма все адресованы любимым людям, но строки писем наполнены и любовью к Родине, обещанием вернуться только с Победой. В огне войны складывались новые судьбы, и не всегда удачно. Но авторы писем благодарны были, если им отвечали взаимностью, любили.

Если в прошлом, формируя сборники по военной тематике, составители в первую очередь включали письма о героизме, самоотверженности, о трудностях военного быта, то в нашем случае ставилась задача показать воина независимо от его возраста, национальности, социального происхождения, показать как человека, которому присущи ревность и любовь, радость и горе. Этот сборник – о любви в годы войны.

Публикуемые в сборнике письма хранятся в РГАСПИ в фонде М-33 «Коллекция “Письма с фронта и на фронт” (1941–1945 гг.)».

Внутри сборника документы расположены в алфавитном порядке авторов писем, а внутри алфавита – в хронологической последовательности. Справа от фамилии автора письма дана краткая информация об авторе, почерпнутая из сопроводительного письма. Ниже слева –

дата. Ряд писем датируется по косвенным источникам. В конце каждого письма указаны фонд, опись и номер дела.

Сохранена административно-территориальная принадлежность упомянутых пунктов.

Сборник рассчитан на массового читателя, на всех интересующихся Отечественной войной.

Сборник состоит из предисловия, пролога, писем 1941–1945 гг., эпилога, списка сокращений, указателя имен. Обширное предисловие ставит задачей объяснить читателю сложности сбора и публикации фронтовых писем.

Археографическая подготовка документов проведена в соответствии с общепринятыми правилами издания исторических документов. Большинство писем даны в извлечениях. Передача текста осуществлена с сохранением стилистических и языковых особенностей. Общепринятые сокращения внесены в список сокращений.

Основная часть писем публикуется впервые.

Вид документа не указывается, так как все публикуемые документы – письма, адресат один. Отдельные пояснения к тексту оговариваются в подстрочных примечаниях.

Все письма представляют рукописный текст (на бумаге, на бересте, на ткане). В редких случаях (ок. 5 %) имеется машинопись, сделанная родственниками по их просьбе. В этих случаях подлинность фактического материала заверена.

К сборнику составлен *научно-справочный* аппарат, состоящий из предисловия (историческая и археографическая части), примечаний по тексту, списка сокращений и оглавления.

Выявление, отбор, археографическое оформление документов по сборнику, предисловие и примечания осуществлены д.и.н. Н.К. Петровой (ответственный составитель).

На различных этапах подготовки сборника техническую помощь в работе оказали главные специалисты РГАСПИ – Д.А. Александров, О.Н. Головач, Д.Я. Дубравин и специалист 1-й категории М.Д. Моллот. Компьютерная версия части документов, а также сканирование фотографий для сборника сделаны специалистом 1-й категории М.Д. Моллот.

Сканирование документов было проведено в отделе репрографии, консервации и реставрации документов под руководством В.О. Уразова.

Электронную версию данного сборника, как и всех предыдущих книг серии «Память Великой Победы», сделал научный сотрудник ИВИ РАН Б.Т. Кабанов.

Создание сборника было бы невозможно без организационной и научной поддержки в ходе работы директора РГАСПИ А.К. Сорокина, академика АПСН [С.А. Котова] и к.и.н. В.Н. Шепелева.

За консультации и конструктивные советы, высказанные в ходе подготовки рукописи сборника к изданию, составитель признателен ВСЕМ, кто принимал в этом участие. Мы благодарим за эту помощь научных сотрудников РГАСПИ и известных общественных деятелей Российской Федерации: кандидата педагогических наук Л.К. Балясную и бывшего первого секретаря, Чрезвычайного и Полномочного посла Е.М. Тяжельникова.

Не могу не сказать слов благодарности за спонсорскую поддержку в издании сборников документов, посвященных 75-летию Великой Победы, своему сыну Борису, отец которого был солдатом Великой Отечественной войны.

Нина Петрова
доктор исторических наук
г. Москва, октябрь 2019 г.

Пролог

Увижу день в дыму, в огне —
И снова в смертный бой.
Но помнится и в битвах мне
Родимый образ твой.
Жена моя, мой друг, не трусь,
Счастливой верь судьбе, —
Настанет день, и я вернусь
С победою к тебе!
Да, я вернусь! Пускай кругом
Поет свинец и медь,
Но тот, кто смел в бою с врагом,
Того обходит смерть…
Гремит пальба, идет война
И длится грозный бой,
Но не тоскуй, моя жена, —
Я встречусь вновь с тобой!

1942 г.
Сержант Трофимов (И.О. неизвестно)

Фронтовые письма 1941–1945 гг

Абаев Дмитрий Алексеевич – 1903 г.р. Ростов н/Д. Работал в РК ОК ВКП(б) г. Ростова Н/Д. Один из первых комсомольцев Владикавказа. На фронте – политработник. Был в окружении под Харьковом. Сражался на Курской дуге. Дошел до Вены. Сохранилось 117 писем. Поступили летом 1988 г.

18.01.1942 г. Здравствуй дорогая Нинусенька!

Наконец, я действительно узнал, где вы находитесь. Вздохнулось как-то свободнее. Теперь мало кто имеет какое-то пристанище. Когда стояли в станице Соленой, на протяжении двух месяцев ждал от вас письма, но ни от тебя, ни от Мани тоже не получил. 11 января снова удалось побывать в Ростове. Будучи у Ани Роговцевой прочитал твое письмо, написанное 19 декабря 1941 года.

Обо мне, Нинуся, не беспокойся, одет я тепло. Имею длинный белый полушубок с воротником, шинель, шапку, два ватника, двое ватных брюк, две гимнастерки, двое летних брюк, три пары летнего белья, пару теплого, две пары валенок, две пары теплых носков, две пары теплых портянок, одним словом одет так тепло, как не мечталось ни одному гитлеровскому командиру. Одна беда, этого барахла собралось столько, что становится большой обузой, в особенности во время передвижений. Думал как от чего избавиться, оставить в Ростове, но практика жизни того не допускает, т. к. промочишь одни валенки имеешь возможность одеть другие, а мокрые изыскать способ просушить, так и с остальным.

…О Ростове после немцев писать не буду. Скажу только одно, что помимо вреда немцы сделали и полезное для нас, а именно, практикой своих действий они развеяли миф, распространявшийся их же агентурой о том, что немцы население трогать не будут. Теперь уже трудно найти человека среди ростовчан, которые собирались бы остаться в Ростове на случай вторичного вторжения немцев, конечно, исключая прямых врагов…

Ну, как будто все. Я в армии политрук роты. Целую крепко, крепко. До свидания.

Жду от вас писем, пусть пишут все.

06.03.1942 г. Дорогая Нинуся! Эна и Кира!

Совершенно напрасно обижаетесь на меня, что я мало пишу, надо понять, что не всегда представляется эта возможность. Вот за одно письмо взялся еще 10 дней назад, принимался за него четыре раза и в конечном итоге его порвал, т. к. сегодня пишешь одно, завтра находят новые мысли и получается, что нет никакой последовательности в письме. Об мне не беспокойтесь. Я здоров. 26–27 были серьезные дела. Щипали стервецов крепко, есть хорошие результаты, но хотелось бы больше, хотелось бы таких результатов, при которых легко вздохнули не только ростовчане, но и вы, мои дорогие. Со мной все в порядке. Цел на все 100. В течение этих 2-х —3-х недель ожидал переброску для серьезных дел – оказалось забраковали по возрасту, мало этого, неожиданно для меня перебросили в штаб бригады, где условия, конечно, хорошие, сплю на кровати, даже на простыне, раздеваемся и спокойно, но эта переброска для моих настроений не гармонирует. Непосредственно в части с бойцами, к которым привык и которые тебя признали, чувствуешь себя гораздо лучше. Ты я знаю будешь довольна.

Нинусь, от 20 апреля до 5 мая обязательно заходи в Чирчикский горвоенкомат, к этому времени подойдет аттестат, который высылаю. В отношении твоего закрепления в Чирчике особо не беспокойся, все зависит в конечном итоге от меня, лишь бы быть здоровым. В итоге победоносной войны будешь там, где буду и я. Это должно быть для тебя ясно. В отношении твоего переезда в колхоз, дело вообще не плохое, но надо его сочетать с фактом не нарушения

учебы Киры, да и Эны тоже, которая наверное учебу забросила совсем. Я бы посоветовал ей дать программы 9 и 10 классов, попробовать их сдать. О приезде в Ростов пока не думай, категорически не советую, когда появится такая возможность, приму участие в исходатайстве для тебя пропуска на въезд в Ростов.

Целую всех крепко. Ваш.

13.03.1942 г. …Сегодня у меня исключительный праздник – получил два письма и открытку. Вы только представь мою радость, когда я за шесть месяцев самостоятельно от Вас, моих родненьких, получил первые письма! Рад очень, хоть тем, что вы здоровы, имеете угол, работу, что дает хоть мизерные средства к существованию.

Дорогие! На меня не обижайтесь, что мало пишу ибо не всегда это представляется возможным, но и то к Вам в Чирчик послал шесть писем за время с 10 января 1942 г. – когда я узнал о Вашем выезде из Махачкалы…

…Исключительно крепко прошу Вас пишите мне почаще – пишите все.

Об мне не беспокойтесь. Я имею чувство уверенности, что останусь жив и буду здравствовать.

Значительно больше беспокоюсь о Вас дорогие. В армии я нахожусь в качестве политрука роты, ношу три кубаря.

Взялся за оформление аттестата с тем, чтоб выслать его Вам, считаю это 250–300 руб. ежемесячно, никак не будут для вас лишними в этих условиях жизни, в которых вы находитесь.

…Наши дела не плохие. Ждите радостных вестей от Совинформбюро задушим гадину в Таганроге хоть и долго им похозяйничать пришлось… Я уверен что останусь живым. Эта уверенность базируется на нашу правду, на мощь и той огромной зарядке, которую за 21 год пребывания в партии, она мне дала.

Нина, если хочешь, чтоб я жил, чтоб мы были вместе, в свою очередь воюй с врагом. Там у себя, далеко от фронта делай все возможное для нас, находящихся на фронте, а мы как-нибудь задачу свою выполним.

Нинка, черт! Верь, что снова будем вместе. В день Красной Армии нас порадовали подарки трудящихся. Посмотрела бы ты картины раздачи и настроение бойцов, когда со слезами на глазах, слезами радости перечитывали письма.

Учти, что я не собираюсь вообще умирать в этой войне, только для того, чтоб умереть! В этом и незаинтересованна наша страна, наоборот, она заинтересована в том, чтоб как можно больше сохранилось жизней для того, чтоб уничтожить этими сохраненными жизнями как можно больше фашистских людоедов и обеспечить победу, а с ней и человеческую жизнь. Конечно, умирает немало патриотов нашей страны, но они умирают не ради смерти, а для того, чтобы жить.

Нина, ты знаешь, что я не верю ни в бога, ни в черта, ни в какие-либо чудеса и тем не менее я уверен, что останусь живым, эта уверенность у меня базируется на вере в нашей правоте, мощи и той огромной зарядке, которую за 21 год пребывания в партии мне дала. Нина, если хочешь, чтобы я жил, чтоб мы были вместе, в свою очередь воюй с врагом, там у себя далеко от фронта все возможное для нас, находящихся на фронте, а мы как-нибудь задачу свою выполним. Нинка, черт! Верь, что снова будем вместе.

В день Красной армии нас порадовали подарки трудящихся. Посмотрела ты картину раздачи и настроение бойцов, когда со слезами на глазах, слезами радости перечитывали письма совершенно незнакомых мне людей, – женщин и детей. Почти трое суток мне спать не пришлось совершено, т. к. бойцы меня буквально осаждали, чтоб им помочь написать ответ.

Получил подарок и я, в нем оказались: с ½ кило сала, пачка табаку, кисет, печенье, конфеты, бутылка вина ашхабадского белого, апельсин, лимон, головка чесноку, тетрадь, зубная щетка и порошок.

Ну пока, до свидания, мои любимые. Целую вас крепко, крепко. Пусть Эна пишет самостоятельно, а то она загрузла в книгах, а про папку забыла совершенно. Будьте здоровы.

14.03.1942 г. 23 ч. 55 м. Нинуська дорогая!

Сегодня мне принесли еще одно письмо от тебя. По содержанию вижу, что оно первое, т. к. ты удивляешься, что я служу в армии, не знаешь должности, просишь сфотографироваться, если обмундирован и т. д. Нина, о костюмах бойцов Красной Армии не беспокойся, я уже тебе писал, что мы командиры и политработники РККА одеты так, как ни один командир армий капиталистических стран. Что я имею, я уже тебе писал, повторять не буду.

Скажу тебе, что мы заканчиваем исключительно суровую зиму в наших местах и тем не менее, поверь мне, мы – бойцы и командиры – пережили ее на отлично, в нашей части не было ни одного случая замерзания и обмораживания конечностей. Конечно, не без того, что нам было холодно. За два месяца морозных восточных ветров имели случаи обморожения носа, щеки, подбородка, но в такой степени, что никто не выбывал из строя, да и эти случаи случались главным образом ночью, конечно эти пустяки. Зато, Нина, посмотрела бы ты на воинов Грабьармии. Честное слово, становится страшно смотреть на это «Христово воинство». Я бы никогда эту нечисть, закутанную в грязные тряпки, никогда их не оставил бы в живых. Сволочи, дырявят одеяла, награбленные и одевают их на себя, одним словом вид их соответствует их диким звериным действиям.

Нина, а сколько их подыхало от наших разных морозов и ветров и представить не можешь… Согревают их только наши войска, от которых они «драпают». Сегодня мы имели хороший успех. Я бы тебя порадовал, но нельзя заскакивать вперед. Считаю, что об этом скажет наше Совинформбюро, но, как обычно, исключительно скромно.

Нинусь, с фотографией рассчитываю твою просьбу выполнить, как только удастся побывать в Ростове, а возможно и в Таганроге.

С аттестатом дело немного затягивается, нужно все оформить по командованию. Одновременно я боюсь его так просто выслать, как бы не пропал. Имей в виду вышлю только по адресу: г. Чирчик. Горвоенкомат для тебя. Наведывайся. Нина! Целую тебя как хочу. Поцелуй родненьких наших – детвору. До свидания, будьте здоровы, целую.

07.04.1942 г. Нинуся! Днями вероятно с этого направления фронта будем переброшены. Ожидаем приказаний. Чувствуется вероятность побывать в твоих родных местах. Конечно, ничего похожего на 29 год, когда я видел эти места не будет, проклятый враг, оставляет сплошные пепелища. Ну, ничего лишь бы все было закончено нашей победой. На протяжении истории русские и украинцы не раз на разоренных родных местах создавали еще лучшие условия жизни.

До свидания. Целую всех.

08.04.1942 г. Получил письмо от 6 марта. Нина, не понравилось оно мне, даже не могу объяснить, как можно дойти до такой постановки вопроса, вредительского прямо и т. д. Я тебе никогда не ставил вопросов в подобной постановке, даже при таких твоих описаниях. Как твое письмо получил, оно со мной вчера. Я тут не разберусь. Если это тебе необходимо для того, чтоб расчистить путь для объединения в корпорацию двух лиц противоположных полов одинаково сетующих на одиночество и заброшенность от родных мест, то этому я воспрепятствовать не могу и мне не нужно писать никаких подробностей. Я нуждаюсь в таких письмах, которые содержали бы стимулы в этой жесткой борьбе в плоскости успешного решения не только общих задач и составляли бы перспективу народу, но прожить те годы жизни, которые рассчитываю останутся на мою долю. Какие бы факты не случились, мне новой семьи строить не придется, да и годы не те. Целуй детей.

09.04.1942 г. …При штабе бригады долго, наверное, не буду, чувствую себя морально не по себе, пойду, наверное, опять в свою часть. Там несмотря на все невзгоды, среди бойцов, к которым привык и которых знаю не только в лицо, но и по фамилиям буду чувствовать себя куда лучше. Но это в конечном итоге все зависит от командования.

Аттестат на 400 руб. сегодня выслал по адресу: г. Чирчик Райвоенкомат. Рассчитываю, что прибудет в Чирчик не позднее 5 мая. По этому аттестату деньги будешь получать с 1 мая. Числа 20 апреля рассчитываю получить еще пособие в размере месячного оклада. Полностью потом вышлю вам, которое так же, как и деньги получите числа 20 апреля. Нина, обращаю только твое внимание на необходимость [отложить деньги. – *Н.П.*] как-нибудь… для того, чтоб образовался какой-либо неприкосновенный запас на случай переезда или другого случая. Я знаю, Вам очень трудно, да и с барахлом обносились, но это нужно сделать обязательно.

Нинуся, извини, что вчера немного излишне в письме побесился. Целую крепко. Ваш папка.

13.04.1942 г. Получил твое письмо от 17 апреля 1942 г. «Благодарю». Что отвечать не знаю. Ясно одно, что как только ты взвинтишься, так теряешь рассудок, хотелось бы одного, чтоб меньше доверия было мазне Дмитриевской. Но слишком у нее много зависти в особенности тогда, когда тепло отзывается о вас. Каждое слово преисполнено яду в неимоверном количестве. Ведь он ей ни слова не пишет, в то время когда пишет Крючковой. Находится на одном из московских направлений. Это случилось месяца два тому назад, до этого был кажется в Куйбышеве. Понятно, что при аттестации личных достоинств ее акции слишком низки, да она со всем своим содержимым выпирает наружу слишком быстро…

…В отношении пьянства твои напоминания превращаются во что-то нехорошее и оскорбительное. Если будешь повторяться в будущих письмах, не напишу ни слова. Надо понять, что здесь не пьющих нет, но нет и пьянчуг, а если попадаются такие, то их разжалуют, сажают, судят и расстреливают беспощадно. Меня интересует такой вопрос – отказалась бы ты если бы тебе представилась возможность купить кило два масла в Ташкентском торге? Думаю нет и я, когда удавалось бывать в Ростове, всегда увозил с собой 2–3 литра вина. Вот все.

Об аттестате писал. Выслал 9 апреля с. г. Вот все. Поцелуй за меня Эну и Киру. Жалею, что твоими настроениями воспитываются и они.

07.05.1942 г. Здравствуй, Нинусь!

Для меня непонятно, почему ты не получаешь моих писем. Начиная с 2-й половины марта я писал очень аккуратно, иногда даже каждый день. А ты в каждом письме жалуешься беспричинно на отсутствие писем от меня. Когда долго идут письма, то это я уже объяснял тем, что ты все пишешь по старому адресу, т. е. на полевую почту (какого-то) фронта, а оттуда идет через соответствующие обменные пункты, а тут еще мы переехали на новое место на Украину, значит снова письма должны следовать за нами, а когда уже прибывают в наше соединение, то и здесь письмо блуждает, т. к. твои письма все писаны на войсковую часть 1562, куда наша полевая почта их отправляет, оттуда возвращается обратно с точным моим адресом и снова в нашу полевую почту. В результате этого круга твои письма идут ко мне больше месяца.

Сейчас это дело наладилось, почтальон 1562 просто сразу начал отбрасывать мои письма, но об этом договорился всего 2 дня назад, а сегодня уже устно получил новости, что я на этих днях получаю назначение в минно-подрывной батальон, снова начнется кругосветное путешествие твоих писем.

Что касается моих писем, я объясняю единственно тем, что в Ташкент идет много писем, т. к. много в Среднюю Азию эвакуировалось нашего народу, в результате цензурный пункт наверное закопался и не управляется как надо, быстро с просмотром писем. Моих писем задер-

жать не могли, потому что я ни разу даже не назвал в своих письмах пунктов нашего нахождения.

Я знаю для тебя важно здоров ли я или нет. Жив или нет? К этому собственно и сводятся мои письма.

Правда иногда только философствую с тем, чтоб ты меня не хоронила заживо и вас, да раз или два ругался с тобой в письмах, чтоб не писала глупостей…

В отношении твоего отъезда в Ростов реши летом. Сейчас не поднимайся с места. Этот негодяй Гитлер, хоть значительно выдохся, но на авантюрные шаги, когда на карту им будет поставлено все, он еще способен и не исключены для нас неприятные сюрпризы эпизодического характера. Нужно к таким быть готовыми во всеоружии.

Целую крепко. Киру поздравляю с днем рождения.

27.05.1942 г. Дорогая моя Нинуська!

Наконец выбрал время написать письмо и тебе. Было слишком некогда. Занимались горячей работой по закреплению рубежей обеспечивающих наше небезопасное наступление. Авантюрист Гитлер как видишь из вырезки нашей фронтовой газеты «Во славу Родины» преподнесли нам сюрприз, но у него дело так как он хочет не выходит. Сюрпризы неприятные и впереди еще не исключены, но они останутся последними судорогами авантюриста. Исход войны – он будет в нашу пользу, это ясно каждому нашему бойцу. Посылаю тебе две вырезки из газет, из которых ты познакомишься с характером нашей работы.

Нина! Не пиши ты мне писем с марками.

…Целую крепко всех вас мои любимые. До свидания!

01.06.1942 г. Нинуся дорогая! Ты меня извини, что май оказался хуже чем апрель в отношении писания тебе писем, но ничего не могу сделать. Такое время. Я здоров. Здравствую по-прежнему. На неделе послать письмо не рассчитывай. Буду стараться писать при малейшей возможности. В отношении поездки твоей, я писал уже не однократно, не поднимайтесь раньше июля. В случае истечения срока литера переменишь через военкомат. Целуй детей. До свидания.

02.06.1942 г. Дорогая Нинуся!

Вот наступил и июнь. Я не знаю как у тебя, а я буквально не замечаю времени. Течет очень быстро. Прочитал сегодня подвал в «Правде» под заглавием «Нина» и крепко расстроился, даже брызги из глаз сыпались. Конечно, подумал, кое о чем и в частности, о том, что не исключена возможность оказаться в положении Курочкина еще многим и в частности собственной персоне. Досадно, осадок не хороший.

Я лично этой статьи не прочитал бойцам сознательно, потому что вызывает слишком много таких чувств, которые просто у здоровых молодых людей не к месту, вызывает какую-то «квашню». Хочешь ты или нет, а каждый должен задуматься и заняться анализом, а что если я буду калекой? Как будет реагировать моя жена? О самой мысли, возможности остаться калекой совершенно не хочется думать. Правда эта возможность реальная действительность, но хочется думать о другой, полноценной жизни. Конечно мне можно возразить. Первое возможное возражение может заключаться в том, что в статье проводится мысль, чтобы наши бойцы не поддавались таким настроениям как у Давыдова. Конечно, оно, так с Давыдовым финал радостный, но, к сожалению, ведь «шлюх»-то очень много у нас, а кое-кто из наших жен, как и все живые люди с добрым намерением не нарушить семьи, начинают с маленького баловства, а заканчивают противоположным. Есть ведь и такие факты, когда некоторые жены под влиянием определенных трудностей, в порядке облегчения своей жизни строят новую жизнь, новую семью, забывая о тех, которые по призыву страны, выполняя свой долг, вынуждены

были оставить свою семью. 2-е возражение может быть такого порядка, что в статье проводится мысль о том, что и инвалид в нашей стране может заполнять свою жизнь определенным общественно-полезным созидательным содержанием. Это верно, но на черта мне думать и вдалбливать в мою голову, что окажусь калекой, но ты не беспокойся, мол так-то и так. Ведь наши люди в борьбе с гитлеровцами на каждом шагу проявляют чудеса храбрости, совсем не для того, чтоб получить хорошее внимание как инвалиду священной, великой отечественной войны, нет и нет. Источник героизма нашей армии с исключительной полнотой определен нашим Сталиным – ко всему сказанному товарищем Сталиным мне хочется сказать и то, что наши бойцы в боях с немцами не щадят своей собственной жизни в конечном итоге для того, чтобы жить той полноценной жизнью, которая возможна в определенных общественных условиях, но не ради перспективы остаться калекой, пользующегося вниманием и уважением общества.

Для меня совершенно не понятно, зачем тревожить наши здоровые сердца. Другое дело, она (статья) очень и очень уместна для вас наших жен, поэтому и отсылаю вырезку тебе как непосредственному адресату. Прочитай ее своим товарищам по работе, она несомненна окажет свое влияние в части размножения «шлюх».

До свидания, моя родная, целуй крепко за меня детей. Передай им мою просьбу, пусть не огорчают маму своими фортелями. Я думаю, они в состоянии осуществить такую необходимость. До свидания.

09.06.1942 г. Дорогая Нинуся!

Я получил от тебя несколько писем, которым был очень рад, но ответить регулярно не смог. Решил, что не будешь в претензиях, если напишу и одно.

Нина, хотя сам пишу карандашом, тебя прошу писать мне только чернилами, т. к. рукопись карандашную, да писанную еще химическим мне читать трудно. Света нет, пользуюсь очками погибшего товарища, они немного получше, но не совсем по моим глазам.

Нинусь, ты просишь меня написать что-либо конкретное о себе. Но неужели не понятно, что это значит говорить о делах части, что для тебя ясно делать нельзя. Дальше, ты меня просишь, чтоб я хоть намекнул в каком пункте я нахожусь, т. к. Украина мол большая. Очень тебе верю и сочувствую, что тебе хочется знать это. Однако этого сделать не могу.

Бывают такие факты, когда отдельный боец напишет место своего нахождения, но глядишь полевая привезет открытку этому бойцу, написанную от имени военной цензуры, кем-то из цензоров, примерно с таким текстом: «Товарищ! Вы в своем письме адресованном тому-то указываете место своего нахождения, что делать нельзя, этим совершаете преступление перед Родиной. Учтите, что такие письма мы задерживаем.

Передайте и своим товарищам, чтоб не делали этого. Военная цензура». Я такую открытку обязательно вручаю адресату после громкого его прочтения всем бойцам. И вот сознавая это, я должен выходит какими-то утонченными способами и намеками делать тоже преступление. В отношении фото скажу тебе, что фотографироваться у нас негде, поэтому просьбу твою оставляю неудовлетворенной.

…Я здоров. До свидания. Целую крепко.

24.06.1942 г. Дорогая Нинуся!

Прошел только один день как я написал тебе письмо, а за этот день наметились огромные изменения в моем положении. Сегодня по поручению политотдела выезжал в батальоны, работающие на линии фронта. По возвращении мне предложили выступить на митинге. Выступил с настроением, темпераментно и очень удачно. Об этом мне говорили уже после – командиры и политработники, а мои бойцы командиру прямо заявили, что «наш политрук выступил лучше всех». На митинге оказывается присутствовал представитель политуправления армии с специальным заданием отобрать квалицированных агитаторов для выступлений перед боль-

шими частями на фронте. По окончании митинга меня и еще одного товарища по званию ст. политрук, пригласили в политотдел. Побеседовали. Нач. политотдела предложили дать на меня характеристику, а мне предложили завтра выехать в политуправление фронта. Таким образом создалась реальная перспектива изменения моего положения. Что скажут мне в штабе не знаю. Это прояснится через три-четыре дня.

…Нинусь! Не нужно хныкать, придет время, будем снова в Ростове. Встретимся со всеми друзьями. Не возьмут в мастерские, устраивайся на месте. Продолжай хлопотать пропуск, но не двигайся, пока не получишь команды от меня. Целуй Эну, Киру. Родные чертенята молчат. Эне я написал специальное письмо, получила она его или нет не знаю. Ответа во всяком случае нет.

До свидания. Целую Д. Абаев.

29.06.1942 г. Дорогая Нинусь!

Зачем ты так крепко переживаешь факт вынужденного пребывания в Средней Азии, рвешься в Ростов. Ты вспомни, что сама говорила в условиях мирной жизни. Ведь не раз перед мной ставила вопрос выехать куда угодно, хоть к чертям на куличики, лишь бы не в Ростов. «Ростов мне осточертел» и т. д. Когда я пытался тебя отговорить с приведением доводов, нет смысла кочевать в то место, где ни кого не знаешь и т. д., то ты меня называла чуть ли не лежебокой, которого трудно сдвинуть с места, а теперь, когда надо подождать, запастись известной долей терпения, рвешься в опротивевший в свое время тебе город. Как-то получается не последовательно. Я тебе уже писал, когда выслал литер, что об немедленном отъезде не думай, надо подождать обязательно. А если на то пошло, то я тебе просто запрещаю сейчас выезжать. Обстановка города сейчас чрезвычайно сложная. Я тебе уже писал, что несмотря ни на что, не исключены еще факты, когда враг сможет еще ценой огромных потерь, путем сосредоточения значительно превосходящих сил на узких участках фронта завладеть некоторыми пунктами. Возьми Керчь. Вполне понятно, что эти эпизоды не решают конечного исхода войны. Однако факт остается фактом, что враг еще в состоянии творить большие нападения. Ростов в прифронтовой полосе. Время от времени… Или ты захотела потрепать себе нервы орудийными раскатами всегда предсказывающие, что фронт рядом. Не для того был организован ваш отъезд со всеми удовольствиями в дороге.

Я продолжаю находиться при той же части. Только помимо работы политического руководителя роты прибавилась работа ответ. [ственного. – *Н.П.*] секретаря партийной организации. Чувствую себя на месте. Только на теле появилась нервная сыпь, зудит проклятая.

…. До свидания, родная.

07.07.1942 г. Здравствуй, дорогая Нинуся! Наконец вырвал время написать тебе письмо. Твои письма я получаю, очень им рад.

Я был в политуправлении фронта, беседовал с нач. отдела кадров глав ПУРККА, какое решение он примет для меня не известно. Сказал только езжайте на фронт в часть. Не сказал мне для какой цели вызывали. Не исключена возможность, что последует приказ о моем откомандировании, но это дело будущего.

Я здоров. Жаловаться могу только на факт отсутствия вас, мои дорогие, а в остальном все благополучно. Ты мне пишешь, что заметку вырезанную мной из фронтовой газеты и посланную тебе, ты не получила, отсюда делаешь вывод, что вам не положено читать наших газет и даже делаешь мне замечание… Напрасно. Фронтовая газета «Во славу родины» не является недоступной для гражданского населения. Неполучение могу объяснить только двумя причинами: 1) Во время проверки письма просто забыли вложить или же тем, что вырезка была из середины газеты, отсюда трудно установить, что она именно к этой газете, не видно за какое число. При проверке письма вашей цензурой, и не располагая такой газетой, они не состоя-

нии установить, что это вырезка именно из той газеты, которую я указываю. Подвергать контролю текст вырезки, это новая работа, а работы цензорам хватает и без этого, вот, вероятно, ее попросту и выбросили.

Твое решение сейчас не выезжать в Ростов н/Д является единственно правильным, об истечении срока требования не беспокойся, предоставишь его в военкомате, выпишут новое.

…Целую крепко.

23.08. 1942 г. Дорогие мои! Нинуся, Эночка и Кира!!

Если бы вы знали сколько радости я предоставляю сам себе, тем фактом, что имею, наконец, возможность, написать письмо вам моим дорогим и сообщить единовременно, что я жив и здоров, может это прозвучит странно, но это так и вы наверное никогда не поймете подобное настроение. Нинуська, родная, все время лелеял мечту, как случится возможность написать тебе письмо и написать много, много, а вот сегодня эта возможность налицо и не знаю как писать, с чего начать.

Милая, я немного начал сдавать физически, что на меня действует исключительно угнетающе, ибо… после войны почувствуешь, что если жизнь будет значительно укороченной и исключительно неполноценной.

Нинусь, когда я тебе писал последнее письмо, но я не помню, все так смешалось. За это время пришлось написать, совершить и видеть очень многое, написать в письме просто нет возможности. Во всяком случае скажу, что было много героического, но много и таких фактов, которые позорят нашу Красную Армию. Нинусь, я никогда не думал, что способен на такую беспощадность, которая граничит с жестокостью… Я считал, да и ты считаешь меня добродушным человеком, оказывается в человеке долгое время могут скрываться качества, которые проявляются только в соответствующей обстановке. Да, это твердость, если хочешь даже упрямая настойчивость, сослужили мне не плохую службу. В условиях замыкающихся кругов она помогает.

Приказ командования нами выполнен. Совершили мы поистине героический пеший марш, пройдя до 150 километров пешим ходом.

…Сейчас я на Кавказе. Видел Ваню, семью он оставил у моих стариков, сам же по приказу наркома ж.д. транспорта двинул дальше. Видал Марусю, она бедняга 25 километров с ребенком шла пешком, подобрал ее истребительный батальон, где оказалось много коммунистов, которые ее знали. Секретарь ихнего горкома оказался подлецом. Сейчас она также у моих стариков. Решила остаться с ними. Стариков я видел даже два раза. От фронта сейчас мы сравнительно далеко. Если там на прежнем месте, работали по ночам на фронте, то сейчас находимся несколько позади, создаем все необходимое, чтоб удержать проклятого гада. Ох, как нам нужно сейчас время как воздух. Есть у нас чудесные люди. Мы с марша, не отдыхая ни единые сутки, приступили прямо к работе, очень многие на земляных работах выбрасывают за сутки от 45 до 2-х кубометров. Это не виданное дело. До свидания, родные.

Нинусь, я очень огорчен Кирой, неужели ты не в состоянии ей втолковать так, чтоб она поняла, что сейчас когда решается судьба большая, сотни тысяч людей кладут свои жизни для того, чтоб выполнить Ваше исключительно твердое и суровое требование – остановить и погнать во что бы то ни стало врага. Неужели для нее не будет понятно то, что в этих условиях вести себя так, чтоб не приносить ни какой пользы на том участке, на котором находишься просто преступно. Ведь ты сама пишешь о тунеядцах, к которым ты относишься с презрением и некоторые присосались для того, чтоб только отстаивать свое благополучие. Откуда у Киры стремления к паразитической жизни?

Нинусь, ты пишешь, что некоторые приезжают с фронта на несколько дней и спрашиваешь меня, не удастся ли мне приехать? Нинусь, об этом я только могу мечтать, но в настоящих условиях это не возможно – просто фантазия. Утешаю себя мыслью, что настанет день и час,

когда какая-то сотая доля секунды и устанавливалась бы связь с вами. Числа 17 августа наконец я получил возможность написать Вам письмо, не знаю, получила его или нет, но и на том месте (были сравнительно далеко от фронта имел возможность заезжать к старикам) простояли очень недолго всего несколько дней и снова нас перебросили на новое место, а сейчас опять прибыли уже вплотную к району, где решается очень многое и здесь-то я и получил кучу твоих писем.

Должен тебе сказать, что за последние три дня у нас здесь дела обстоят не плохо, отбито несколько населенных пунктов, только за вчерашний день прогнали его километров на 19. Уничтожено гитлеровцев исключительная уйма, а если принять во внимание, что он в течение недели не мог прибирать свои трупы и рвался буквально через своих мертвецов, то можно представить, что за мясорубку ему устроили. Рассчитываем их дальнейшие успехи. Нинусь, такая масса поистине героических поступков, что описать очень трудно. Дерутся с исключительной ненавистью и злобой.

16.09.1942 г… Нинусь, причина моего неписания должна быть для тебя ясна. С 11-го июля по 15 августа я тебе не мог написать буквально ни слова, т. к. мы находились исключительно в подвижном состоянии, ни о какой нашей полевой почте речи быть не могло, а по прибытии на определенное место, опять-таки несколько дней, это дело не налаживалось. То, что вы обо мне беспокоились, я себе очень четко представлял, и это было видно. Как только получишь возможность, хоть час в местных условиях заснуть, да и в критические минуты, мысленно также связывался с Вами. Казалось бы это невероятно, однако факт, как-то помимо воли, выделялась что мы снова будем вместе – только он очень далеко.

Родные, будьте все здоровы, живите дружнее. Целую вас крепко.

Нинусь, прошу тебя напиши несколько строк, ты как бы обиделась на меня за то письмо? Жду.

19.09.1942 г. …Нинуська, началось снова напряженное время после небольшого относительного затишья здесь дела наши не плохие. Врага кромсаем и тесним. Как будет обстоять дело дальше, сказать трудно. Все исключительно обеспокоились Сталинградом. Если врагу удаться его захватить, это почувствуем и мы на своем участке. Дорогая Нинусь, не беспокойся.

Целую и мечтаю о свидании. Целуй детей. Ваш…

08.10.1942 г. …Ты об мне, пожалуйста, беспокойся поменьше. Ни черта со мной не случится, по крайней мере, самому хочется в это верить. Конечно, всякое бывает и жарко и тепло, а когда стояли близко от своих, так было приятно. Сейчас мы ведем [такой. – *Н.П.*] образ жизни: переезжаем каждые 2–3 дня и в новой дыре и так все время. Не успеет наша ПИС наладить обмен как следует, а мы уже двинули. Тому еще содействует то, что наша бригада Краснознаменная зарекомендовала себя не плохо в штабе армии. Отсюда: где надо срочно, мы там.

Положение на нашем участке, в конечном итоге, нужно сказать не плохое. На одном фланге его колошматят беспрерывно и теснят ощутительно. На другом, тут дело с переменным успехом, иногда село переходит в течение дня несколько раз из рук в руки. Сволочь давят и уничтожают буквально как тараканов, но все же лезет. Посмотришь на этих союзничков Гитлера – румын, становится тошно. Оборваны до последней возможности. Не редки случаи, когда к ногам прикован пулемет, это для того, чтоб не бежал, а стрелял. Ты все спрашиваешь, почему не пишу я о себе. Собственно нечего писать, потому что изо дня в день повторяется одно и то же в различных вариациях. Вчера 14 чел.[овекам. – *Н.П.*] вручили ордена и медали. Прежняя перспектива, намечавшаяся на Украине, в силу резкого изменения обстановки, изменилась. Тем не менее в ближайшие дни произойдут изменения. Вероятно отдельной бригадой существовать не будем, передадут наши батальоны по различным дивизиям, во всяком случае, это наиболее реально. Если так, то конечно встанет вопрос о целом ряде командиров и политра-

ботников, в частности и обо мне. Жив буду, изменения сообщу. Так как будто здоров, жаловаться не на что, да и не имеет смысла. От стариков сейчас далеко, что там делается не знаю. Целуй всех детей. Привет всем. Извини, что плохо писал, но писал на коленке, может случится что-то другое.

До свидания, любимая.

06.12.1942 г. Здравствуйте мои дорогие!

Наконец собрался Вам написать. За это время прошло много событий, о которых писать в письме просто нет физической возможности. Переменили массу мест. Был момент, когда гоняли нас как тузиков. Удалось побывать недалеко от города, где побывали и Вы, заезжая к Марии, но с 26 октября двигаюсь по направлению, где живут мои старики. Были разные моменты вплоть до того, что в течение шести часов полз на животе, все обошлось благополучно. Был и такой момент, когда три раза проходил в 150 метрах от дома стариков, но зайти не было никакой возможности ибо по существу я был единственный ведущий. Нахожусь непосредственно в части, а не при штабе. После указа Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия в Красной Армии и упразднении Института военных комиссаров», я переаттестован. Сейчас я имею звание ст. лейтенанта. Правда, в звании я несколько пострадал, т. к. поскольку до указа я был представлен к очередной аттестации, на основе чего я переводился в старшую группу политсостава, а теперь прошлые шесть месяцев пропали и надо еще несколько месяцев для того, чтобы получить звание капитана, т. к. исчисление идет с момента присвоения нового звания, но это меня мало смущает, т. к. в конечном итоге не собирался военное дело делать своим поприщем по окончании войны, а там шут его знает – дело будет зависеть не от меня.

В первых числах ноября был большой праздник на нашей улице в районе Н. Саниба и Гизель (Орджоникидзе) как об этом сообщило Совинформбюро от 20 ноября. Был нанесен очень красивый удар немчуре на протяжении 10–15 километров, все поле было усеяно немецко-румынскими трупами, автомашинами, танками, орудиями, пулеметами, повозками, лошадьми и т. д. причем с такой густотой и плотностью, что можно делать сравнение с Мамаевым побоищем. Я тоже соблазнился, взял для своей части 2 грузовых автомашины «Опель» и одну легковую «Глезер» наподобие эмочки.

После отгона гитлеровцев имел возможность на 15 минут заскочить к старикам. Отец, мать, Толя, Мария и Люся все оказались на лицо. Все здоровы, но в течение 10 дней безвылазно сидели в щели, вырытой отцом во дворе, где и ночевали. Квартира крепко не пострадала. Окна забиты картоном, полуобвалилась стена наружного фасада, в общем все в порядке. С Марией договорился было отправить ее при подходящем случае в Тбилиси, но случился казус. 3 декабря такой случай подвернулся. Мне многих трудов стоило отпроситься для того, чтобы ее предупредить и чтобы она взяла аттестат из военкомата. В ночь на 3-е я к ним заскочил и предупредил, добился и погрузил для нее картофель, а когда днем приехал погрузить и ее, она раздумала (уговорили старики), вся в слезах, трусится и т. д. Я разругался и тут же выехал, но вскоре успокоил, что в случае осложнения обстоятельств, я ее там не оставлю. Сегодня сижу в комнате, да к тому же у русских, что является двойной приятностью, т. к. здесь эту возможность получить нелегко.

…Целуй за меня детей. Целуй Шуру, а за меня, пожалуйста, не беспокойся. Твердо рассчитываю с Вами всеми скоро увидеться… До свидания. Целую крепко.

11.02.1943 г. …Нинуська, можешь себе представить, даже не хочется писать. Настроение очень плохое. Причиной тому это положение, что нашу бригаду отправили от общей лавины наступающих войск и теперь маринуют в тылу. Хоть великолепно и сознавать, что любое боевое задание почетно, в том числе и разминирование полей в пунктах на сегодня являющихся

тылом, а все-таки мое нутро с этим примириться не может. Чувствую себя преотвратительно. За все время войны, пока находились на фронте, такого никогда не было. Всегда чувствовал приподнято, а сейчас как подумаешь, что превратился в тыловую крысу, так нутро и выворачивает. Впору и самому заняться развлекательными делами, какими как раз и занимаются некоторые военные, находящиеся в тылу (шучу). Будьте все здоровы.

Целуй детей.

03.07. 1943 г. Дорогая моя Нинусь!

Только что вернулся с переднего края нашей обороны и решил поговорить с тобой, поделиться всем хорошим, чем располагаю. Самым отрадным для меня сейчас является то исключительно скромное и в то же время боевое настроение среди бойцов нашего участка фронта. Каждый готов стоять на смерть, об отступлении ни кто не думает. Все уверены в неизбежности нашего успеха. Самое главное это то, что нет той танкобоязни, которая имела место в начале войны. Каждый боец уверен в том, что наша советская земля его выручит во всех случаях наступления танков, просто обдуманно зарывается в землю, нет места явлению, когда абы как спустя рукава оборудовать свой окоп. Причем это не только слова, это подтверждается и делами. В проведенной операции ни один боец не ушел с поля боя. Раненые и те старались не уходить, а помогать пока хватало силы. Это, Нинусь, говорит о многом. На наших флангах идут сейчас ожесточенные бои. Противник не прочь нас отрезать, но это ему не удастся. При наличии этих условий боевой дух наших бойцов является огромной нашей силой.

Нинусь, здоров, питаемся хорошо. Своей работой очень доволен, хотя и приходится как правило не выступать, а запросто, по-товарищески, разговаривать с такими группами бойцов, как расчет противотанкового орудия, где всего 2 человека. На переднем крае в боевом охранении – одиночка-боец и этот является моей аудиторией, с которой иногда разговариваешь более часа и так целый день и ночь. Постоянная резиденция моя километров 15 от переднего края, но там в пятидневку бываю один день не больше. Заезжаю только подзарядиться, а там снова передний край.

Нинуська, как хорошо, когда есть возможность посмотреть на фото Эночки, Киры, а вот твоей у меня нет. За два года ты никак не догадаешься ее прислать. Родная, сделай это, вышли свою физию. Ведь иногда так хочется почувствовать тебя близко, близко. Я в свою очередь высылаю шесть своих фотографий и рассчитываю, что они для тебя не безразличны, во всяком случае – память. Целую крепко тебя, Киру, Эну. Пишите, родные, жду ваших писем. Сердце мое говорит, что я буду жить и увижусь с вами. До свидания.

16.07.1943 г. Нинусь! Не успел прошлый раз отнести письмо на почту, как мне предложили через 15 мин. выехать снова на передовую. Пробыл там 6 дней. Могу тебя порадовать, дела идут не плохо. Он стервец старается взять нас в мешок и устроить нам «Сталинград», но у него ни хрена не получается, теперь после того как ценой кошмарных потерь, он имел плевый успех, ему самому сейчас даем жару и не исключена возможность, что ему самому организуем мешочек. Нинусь, я жив, здоров.

Ну до свидания, родная. Целую тебя, Эну и Киру.

27.07.1943 г. Дорогая Нинуська! Вот уже 2 месяца как не получаю от тебя писем. Становится прямо не по себе. Адрес я сообщил тебе еще из Москвы; пора бы получить письмо и от тебя. У меня все по-старому… Да, посылаю тебе украинский василек и еще каких-то два полевых цветка. Думаю ругаться не будешь, т. к. никаких денег не потратил. Рвал в поле, сколько хотел бесплатно. Целуй детвору за меня. До свидания родная.

Приеду, напишу еще.

27.08.1943 г. Дорогая Нинусь! Вот уже скоро кончится август месяц. Приближается время, когда наши шаги несмотря на невзгоды будут еще успешнее. С каждым нашим успехом приближается и время, когда мы с тобой снова увидимся. А это время придет. Напрасно, Нинусь, ты обижаешься, что я, «пробыв месяц в Москве», не организовал встречи. Во-первых, я не знал зачем еду, сколько времени пробуду. Во-вторых, я там был не месяц, т. к. прежде всего мы прибыли в Ногинск, потом через Москву поехали в Домодедово, откуда попали в Московский Резерв 16 июня, пробыв в нем 4 дня, мне дали назначение 20 июня, сказав, чтоб я в этот же день явился в часть, т. к. она отправляется на фронт. 27 июня мы уже погрузились и оставили столицу, я даже не имел возможности зайти к Муре. Ты пишешь, что кто-то из твоих коллег уже несколько раз съездила к мужу увидеться в Москву, да он сам три раза приезжал домой. Нинуська, такие вещи возможны только при службе в тылах да и то беззаконно, а нам в действующих частях мечтать об этих вещах не приходится. В нашей среде есть командиры, а особенно бойцы у коих дома 20–50 километров от передовой, а попасть туда не имеют возможности. Бывают случаи, что женщины ухитряются пробиться к мужьям, но это редко, а в больших случаях их перехватывают и под конвоем отправляют в тылы для выяснения личностей. Не думай, Нинусь, что мне не хочется увидеться с тобой, наоборот, то, что за последнее время часто стал видеть тебя во сне, говорит уже об обратном.

Я, Нинусь, здоров и пока невредим. Рассчитываю таким остаться до нашего свидания. В своей резиденции бываю в общем 36 часов в 7–8 дней из этого времени день уходит на спец. военную учебу, т. к. в ближайшие 3–4 месяца должен буду аттестоваться на майора, а это обязывает к тому, чтобы военные знания привести в соответствие с званием. Крепко нажимаю на тактику. В день отъезда на передовые обычно, как и сейчас, пишу тебе письма, так что жаловаться, что я пишу тебе редко ты не можешь, правда, иногда они в силу обстоятельств бывают слишком короткие и лаконичные…

До свидания.

24.09.1943 г. Дорогая Нинуська! События, которые происходят сейчас значительно опережают наши предположения. Наше продвижение настолько быстро на всех участках, что не укладывается ни в какие рамки предположений и расчетов. Я как-то тебе писал, что к октябрьской годовщине рассчитываем быть в Киеве, а в жизни получилось так, что завтра мы встанем перед задачей форсирования Днепра перед Киевом, а Десну уже перешли. Сегодня сообщило радио, что в твоих родных краях заняли ст. Беличи. Одним словом много фактов, которые перепутали наши (вернее мои) расчеты и предположения. Однако, это и к лучшему, так как быстрее и быстрее приближается час развязки, и следовательно и час нашего свидания.

Дорогая Нинусь, обо мне не беспокойся, я жив и здоров. Конечно, не без неприятностей наступления. Эти неприятности заключаются в том, что абсолютно не имею возможности помыться. Потом нужно учитывать, что каждый день дает новый пункт ночевки, а, следовательно, новую «постель», а главное с 1-го сентября спим все время не раздеваясь, в результате, конечно, и «автоматчики» завелись и иногда ведут себя беспокойно, но это все чепуха по сравнению с результатами наступления, которое ведет наша армия. Родная, а как я соскучился по баньке с парной, ты и представить не можешь. С каким бы только удовольствием я попарился!

Нинусь, в получении пока возможен перерыв, т. к. почта от нас часто отстает где-то сзади, а если не отстанет, так где-то блуждает и путается в поисках нас. Если будут перерывы в письмах, пожалуйста, не беспокойся…

Без даты. Здравствуй, Нинусь. Пришел с линии буквально без ног и зашел на полевую почту, где мне Надя как раз дает письмо от тебя. Нинусь, мы деремся на шляхе, ведущем прямо в Киев. Продвигаемся успешно. Счастье меня не покидает. Я здоров. Целую.

16.12.1943 г. Нинуся! Не писал тебе почти месяц и такую чувствую большую потребность поговорить с тобой, что и передать не могу. Ты мне пишешь, что с почтой все благополучно, не так оно на самом деле. Не только я, но и все мы три недели не получали ни единого письма, в чем дело очень и очень непонятно. Вчера наконец вернулся в настоящую резиденцию и мне вручили 4 твоих письма, которым я, конечно, обрадовался, да и по содержанию они оказались вполне радостные… Не думай, Нинуся, и за это отрезок времени я всячески старался написать фактически и писал, но все это в силу складывавшихся условий перебиралось в сумке и в конечном итоге сегодня получил возможность написать тебе, так как сейчас самое главное знаю, что сегодня оно уже пойдет к тебе.

Нинуська родная, зачем ты мучаешь себя глупостями, о которых не нужно думать, в частности персоной которая приехала, и бросив семью, спуталась с официанткой. Нина, таких фактов очень и очень много с обоюдных сторон. Ведь сколько угодно фактов имеется в нашей среде, когда командиры получившие ранение, ложились в госпиталь, получали от жен, узнавших о ранении, в своих письмах от них отказывались и извещали о своем выходе замуж, предполагая их неполноценность по выходе из госпиталя, а ребята выжили, да в такой степени, что возвратились в строй и продолжают служить и крепко бить врага, а один ст. лейтенант Орешкин после такого письма от жены остался одиноким в полном смысле этого слова, завел переписку с совершенно незнакомой ему особой, потому что он не получал писем ни откуда. Он взял и написал письмо в г. Москву и адресовал «Главпочтамт, первой девушке, которой попадет письмо в руки» и вот уже несколько месяцев как эта переписка поддерживается самым активным образом. Я, считая по себе, рассуждал так, что эти факты, которые в этих условиях мы вынуждены наблюдать, что же касается себя, то мне нет оснований думать о новой семье, моя старая женка мне ближе чем какие другие.

В отношении семьи твоего заместителя нужно было сообщить раньше, т. к. навряд ли удастся побывать снова в Киеве. Могу сообщить только, что Киев крепко не пострадал, населения погибло порядочно, так называемый «Бабий Яр» заполнен трупами расстрелянных евреев, много украинцев и русских расстреляно, когда они прятались, не желая уходить с немцами из Киева. Особенно много, главным образом, бездетных и молодежь угнали в Германию.

В отношении нашего с тобой места жительства я сейчас окончательных решений не принимаю, да и глупо было бы их принимать. Буду жив этот вопрос уж как-нибудь разрешим, а сейчас не он является главным. Что же касается выезда вместе с мастерскими, то твердо решаю, что пока выезжать не следует. Я думал, что без меня ты другого решения не примешь. Наверное, ты осознала в свое время правоту моего совета в отношении выезда в Ростов, когда выслал тебе литер. Если мастерские выедут и ты станешь перед необходимостью быстро решить вопрос, то выезжай в Ростов, при всех положениях там не пропадешь.

…Хвалиться пока нечем, остаюсь здоров. Представлен снова к награде, что дадут не знаю. Целую.

22.12.1943 г. Родная Нинуська! Сегодня получил от тебя три письма, датированные тобой 24 октября, 4 и 6 ноября – это была большая радость, тем более, что только ночью пришел с операции. В таких случаях всегда наступает известная реакция. Напряжение сменяется какой-то вялостью. Когда на лицо напряжение ни о чем не думаешь и все устремления направлены только к одному. Когда же напряжение сменяется некоторой вялостью, что объясняется исключительно усталостью, но наличие в это время некоторой встряски даже нужно, т. к. моментально проходит все. Такой встряской явились в данном случае твои письма, они меня крепко обрадовали. Меня удивляет почему ты до сих пор не пишешь, получила ли ты квитанцию или нет на те 500 руб., которые ты не получила. 25 октября я тебе выслал 800 рублей и 15 декабря еще 500 рублей. О получении их сообщи обязательно, т. к. будет очень досадно, если ты их не будешь получать. Должен тебе сказать, что я сейчас вообще высылаю тебе все деньги, кото-

рыми располагаю, оставляя буквально только на взносы и будет еще досаднее, если эти деньги будут пропадать без пользы ни для тебя, ни для меня. Лучше их пропить, чем отдать на пользу какому-нибудь мерзавцу и грабителю из почты, творящему свое гнусное дело. Попался бы мне такой мерзавец для расправы, я бы учинил с ним такую расправу, какой еще не знал преступный мир.

Обо мне, Нинусь, не беспокойся, государство о нас заботится не плохо и в пределах возможного дает нам все. Получил валенки, шапку, ватные брюки, суконные брюки, теплые портянки, суконную гимнастерку, меховую телогрейку, шапку – одним словом все, что в первую очередь необходимо в условиях зимы. Не хватает сейчас горилки, в частности, мне, т. к. формально я значусь в штабном звене такого хозяйства, которым водка не полагается, а по своей работе не вылажу с переднего края и делю вместе с активными войсками все невзгоды. Правда, тут всегда выручают командиры подразделений, которые всегда и, в особенности, во время холода поделятся всем, чем располагают. Хуже решается проблема с мылом. Вот уже 1 ½ месяцев наблюдается какой-то перебой и возвращаешься с переднего края всегда как негр и тут оно нужно как никогда… Последняя моя резиденция находится примерно в 11–12 километрах от переднего края, где провожу в неделю от одного до трех дней, все остальное время провожу там. Когда возвращаюсь, всегда нахожусь в тепле, т. к. блиндажи отапливаются. Должен тебе сказать, что и на переднем крае есть обязательно землянки для обогревания. Обо мне, Нинусь, не беспокойся. У меня сложилось такое мнение, что если фриц меня убьет, то это просто будет дикостью, т. к. я всегда эту мысль отметаю совершенно. Это не говорит о том, что я бравирую, наоборот, как и всякий здравомыслящий всегда меры предосторожности соблюдаю. Это вошло даже в правило, ну, например, ночью поднимаешься по лестнице не один раз, а одна ступенька разбита, то независимо от того видишь ты или нет, все равно будешь остерегаться на этом месте. Так и у нас, находишься на переднем крае, никогда не забываешь о снайперах противника, всегда остерегаешься, но о смерти не думаешь. Да вообще это какая-то глупость, о которой говорить не хочется. Ну, будь здорова. Целую.

23.12.1943 г. Эночка, родная![31] Для нас сейчас наступают очень напряженные дни. Думаю, что закончиться с результатами общей радости. Если что случится, не обижай маму, ведь она для тебя сделала немало, ты уже взрослая.

Будь здорова. Целую крепко, крепко.

29.12.1943 г. …Спешу написать тебе. Я знаю, что обо мне беспокоиться больше некому. Нинусь, последнее письмо я тебе писал вечером, а на рассвете выступили в бой, начали снова наступление. Операция проходила хорошо. Как я и предполагал и был уверен, что результаты будут на радость всей нашей стране. На нашем участке трудности были, особенно первые три дня, а сейчас, когда прорвали его линию обороны стало немного легче. Враг особо крепкого сопротивления не оказывает, как только почует, что на фланге где-то не благополучно, спешит отойти. Не без трудностей пришлось и мне. Первые два дня лил дождь и снег, в траншеях было более чем на четверть воды, а вернее грязи. Несмотря на жаркий огонь врага, все были довольны вылезти из этой грязи с сигналом атаки. Сегодня наверное Москва опять будет нам салютовать, т. к. преподнесли неплохой подарок. Вечером я вышел из боя. Нам, Нинусь, с тобой везет. Твой Митька опять остался цел. Позавчера всю ночь дрались за одно важное село, которое являлось его опорным пунктом. Для освещения крайние хаты он поджог и нам было очень трудно зацепиться за крайние хаты. Когда зацепились за два крайних дома метров за 200, из-за хат вышел танк и буквально в упор дал два выстрела, в результате которых были убиты рядом со мной идущие командир роты и мой ординарец. Ординарец мой разорван буквально в

[31] Письмо дочери.

клочья. Я остался цел, только немного оглушило, особенно в первый день были большие шумы в голове. Сейчас все благополучно. Дня три мне, наверное, дадут возможность отдохнуть. Будь, Нинуся, здорова и обо мне не беспокойся. Целую тебя и нашу детвору.

До свидания, родная. Твой…

10.02.1944 г. Нинуська моя! Когда только получаю возможность написать тебе письмо мне как-то становиться радостнее и теплее. Хоть на некоторое время отвлекаешься и переносишь себя в обстановку, в которой имеешь возможность разговаривать и общаться с тобой. Тяжеловато, Нинусь, сказывается и возраст, но нас буквально окрыляет сладость мщения врагу за все горе и несчастья принесенные в нашу страну. Радость победы заставляет забывать все трудности и невзгоды. Для каждого из нас крепко понятно, что каждый уничтоженный фриц, каждая пядь земли отвоеванная у врага приближает победу нашей страны, а вместе с ней и наше личное счастье и мое счастье – час свидания с тобой. Когда только он будет? Но будет наверняка. Позавчера была такая минута, когда сам себя немного пристыдил за промелькнувшее чувство с эгоистическим оттенком. Случилось так, что 7 февраля я отдал своих два индивидуальных пакета для перевязки раненого и не позаботился получить в санчасти новые, а 8 февраля в жаркую минуту у меня мелькнула мысль, зачем отдал, самого может сейчас ранить и нечем будет перевязаться, но быстро себя поймал на нелепой этой мысли, прогнал ее далеко и слава Аллаху они не потребовались. Обстановка у нас продолжает оставаться сложной. Ты уже из сводки Совинформбюро знаешь, что в районе Звенигорода наш фронт соединился с 2-м Украинским и окружено 9 пехотных и одна танковая дивизия. На выручку этой группе противник бросил танковую группу, но этой группе пробить наше кольцо не дали, а наоборот, и вокруг нее создали новое колечко и ее уничтожаем, горят и жарятся фрицы проклятые.

Сегодня я в 7 километрах от передовой и по существу отдыхаю и беседую с тобой. Сходил в баню и даже удалось сфотографироваться, надеюсь, что не подведут и фото получу. По получении немедленно вышлю. Обо мне, Нинусь, не беспокойся. Питаемся мы очень хорошо, имеем все, что требуется и в норме потребности. Луку, чесноку, капусты, картофеля очень много. Не редки случаи, когда не в состоянии использовать в местах боев убитый скот. Сыты, обуты, одеты. Здоровы духом. Единственно, что иногда подкачивает, так это физическая сторона, но и физически имеем еще столько, что для разгрома врага больше чем достаточно.

Нинуська, ты часто пишешь о Киеве, как будто твердо намереваешься там твердо обосноваться. Родная, я не хочу сейчас этого вопроса предрешать для себя. Жив останусь, смогу решить и этот вопрос. Если речь идет о твоем переезде сейчас, то это другое дело, но свое мнение я по этому вопросу уже писал и остаюсь при нем, хотя сейчас положение несколько изменилось.

Родная, ты за последнее время что-то стала редко писать – пиши, Нинусь. Денег в январе выслать тебе не смог, т. к. их не получал. Хотя и рассчитывал. Не получил их в силу обстановки. Зато в феврале вышлю и январские и февральские, их наберется до тысячи.

Будь здорова. Целую крепко, тебя Эну, Киру. Твой…

18.02.1944 г. Здравствуй, моя Кирукари![32]

За письмо спасибо, только я недоволен тем, что у тебя успехи в деле освоения аппаратуры слабы. Надо, Кира, стараться. Не будешь лениться, значит быстро приобретешь хоть какую специальность. Я здоров, пишу вам систематически, а мать вот уже четвертое письмо пишет, что от меня писем не получает. Дней пять тому назад выслал 1000 рублей денег. Скажи маме, чтоб написала: получает от меня деньги или нет. Целуй маму и Эну.

До свидания. Твой папа…

[32] Письмо дочери.

19.02.1944 г. Здравствуй, моя Нинуська!

Меня прямо мучают твои письма, что ни письмо ты обязательно сетуешь, что не получаешь от меня писем, а письмо я пишу буквально специально, ну некоторые через 9—10 дней, но меньше 3 писем не пишу. Что же касается твоих недостатков, то, Нинусь, я буквально теряюсь, чем я тебе могу помочь, еще раз повторю, что деньги высылаю абсолютно все, в феврале я тебе послал 1000 рублей. Нинуська, пойми, что ничем я тебе сейчас помочь не могу. Нинуська, изворачивайся как-нибудь. Ободри хоть себя, хоть перспективой хорошего будущего. Я, конечно, понимаю, что ободрить себя, когда пустой желудок очень трудно. Трудно и нам, Нинусь, хотя с материальной стороны ни на что сетовать нельзя, правительство обеспечивает нас всем, чем необходимо. Зато у нас трудности, связанные с жизнью и смертью.

Нинуська, ужасно плохое настроение. Твои письма для меня радость и трепка нервов. Нинусь, напиши мне, когда и какие суммы денег ты получила от меня. Посылаю тебе свою последнюю фотографию. Ужасно крепко постарел.

Будь здорова. Целую. Твой.

20.02.1944 г. …Нинусь, я пока здоров. Обстановка у нас сейчас разрядилась. Стало легче. Получил письмо от Петра, датированное 27 марта 1944 г. Он сейчас в движении – вводятся в дело. Был слегка царапнут в голову во время бомбежки. В боях мы уже давно не были. Да это понятно, т. к. по роду войск нам всегда нужен прорыв. В силу отсутствия топлива Галина обитает сейчас в одной комнате вокруг какой-то «буржуйки». Борис говорит, со слов Галины, вырос, изменил свой пискливый детский голосок на петушиный бас… Будьте все здоровы. Ваш…

04.03.1944 г. …Сегодня я тебя увидел во сне. Мне было так радостно и одновременно муторно. Где-то в городе, а каком не знаю, ты шла по улице, не различая меня, в черной юбке и в темно-синей кофте. Очень коротко подстрижена, почти как по-мужски, худющая невероятно, глазные скулы резко выступают. Когда ты проходила мимо меня, не замечая и не останавливаясь, я тебя обнял за плечи и повернул к себе, но ты глаз своих не подняла, а смотрела в землю. Я спросил в чем дело? Ты ответила: Как же я буду после смотреть в глаза ведь ты один раз уже упрекал за него. Я недоумевая, оглядываюсь и только теперь заметил, что с двух сторон у тебя по бокам стоят два каких-то молодых парня, которые тоже не смели смотреть в глаза, а потупя взоры смотрят также в землю. Не выпуская твоих плеч, глядя на них, я вспомнил, вернее начал припоминать какой-то факт, за который тебя простил и задумался над вопросом, что сделать и как поступить мне, а в это время машинально тебя повернул к ним и осторожно, но с применением силы, привел тебя в движение и направил к ним со словами: Идите, продолжайте путь. Тут я проснулся и больше спать уже не мог. Сейчас уже день, а я ни как не могу очухаться, что со мной твориться впервые. Рассказал его даже товарищам. Ты знаешь, что вообще я снов никогда не запоминаю, а на этот раз все осталось четко запечатленным и вообще не могу объяснить, чем именно вызван сон в подобном стиле.

Родная, соскучился я по тебе. Хочется приласкаться к тебе и одновременно также чувство досады, оставленное сном. Нинуська родная, пиши и береги себя. Даже в том случае, если и в явь наметилось отчуждение, обманывай меня сознательно до конца войны, с тем, чтоб я не переносил двойного напряжения нервов. Перенести это ведь очень трудно, а мне нужно сохранить себя волевым человеком, для того, чтоб выглядел и на деле был полноценным сыном родины в борьбе с врагом. Время переживаем мы сложное. Факт, что к моменту окончания войны много семей оказываются разрушенными, по вине той или другой стороны, но абсолютное большинство фронтовиков семью в своем сознании держит как святыню и, даже дали новое определение – сверхнахальству. На вопрос, что такое сверхнахальство? Отвечают: «Сверхна-

хальство это значит – быть где-то в глубоком тылу, спать с женами фронтовиков, бить себя кулаком в грудь, кричать смерть немецким оккупантам и искать себя в списках награжденных за отвагу». Ну родная, будь здорова, твой…

07.03.1944 г. Здравствуй, дорогая Нинусь! Вот третий день как начались жестокие бои по прорыву обороны противника. Уж слишком сложны условия. Снег стаял почти везде. Остался только в ярах или оврагах. Грязь непролазная. Продвигаться в высшей степени трудно, но продвигаемся, продвигаемся упорно. Наши люди преодолевают трудности не только собственного продвижения, но тянут на себе буквально все: и пушки и все вещи. Тысячу, да что тысячу, до бесконечности прав Иосиф Виссарионович, когда он на выпуске академиков Красной Армии говорил, что люди это самый ценный капитал, которым мы располагаем. Успех в этих условиях очень важен, т. к. заставляет противника бросить технику. Пусть значительную часть он уничтожает сам, но потери остаются потерями и их восполнить врагу будет очень и очень трудно. Деремся успешно, а каждый успешный бой еще больше окрыляет каждого, дерутся еще смелее, храбрее и ожесточеннее. Есть за что быть жестоким нашим бойцам. Вот прошли уже более 25 километров в глубину обороны врага, отвоевываем село за селом, но эти села пока что существуют номинально, не села это их руины с кладбищами побитого и вырезанного скота, почти без единой души людей, угасшие практически все. Людей угнал заблаговременно, пока мы стояли в обороне. Сейчас вступили в полосу, где мы, как и в прежних наших наступлениях, не успеваем управляться с уничтожением сел и угоном наших людей. Пройдем еще не больше 15 километров, люди начнут выползать из самых невероятных нор и потоком устремятся в разные места.

Будь здорова, моя дорогая. За меня не беспокойся. Будем живы – увидимся. Как крепко хочется, чтоб этот час настал быстрее.

До свидания. Целую тебя твой…

18.03.1944 г. Дорогая Нинусь! Вот пятнадцать дней прошло с тех пор как мы начали наступление. Я тебя заранее предупреждал, что в марте от меня частых писем не будет. Так оно и получилось: за эти две недели пишу первое письмо и не знаю смогу ли его отправить тебе. Почта наша крепко отстала и не ведаю, когда свершили последний обмен, тем не менее решил написать, т. к. получил такую возможность. Нахожусь сейчас в теплой хате, в небольшом городишке, который 3 часа тому назад вырвали у немцев, а бой за него вели со вчерашнего дня. Немцы утром перешли в контратаку и на полтора часа нас было вытеснили из половины, которую мы уже занимали, но решительным ударом их отбросили. Мерзавцы за эти полтора часа успели с территории, которую мы уже захватывали, расстрелять 16 человек мирных жителей. Кое-кого из этих зверей поймали и тут же у трупов жителей одного повесили и пять расстреляли. Условия наступления: ужасная грязь непролазная, противник бросает технику и автомашины и буквально на четвереньках старается от нас удрать. Весь путь нашего наступления усеян немецкой техникой и автомашинами. Я уже не говорю о разбросанной фрицятине. Тринадцатого марта форсировали реку Буг-южный, троих представили к званию Героя Советского Союза. Одни из них разделся и с поднятым автоматом переплыл реку и, выскочив на берег, вступил в бой голым. Нашлись и смелые женщины, которые под огнем противника подскочили к нему и одели его во что-то женское. Под его прикрывающим огнем, двое других перекинули трос и установили паром.

Нанесенный удар пахнет катастрофой для гитлеровской Германии. От этого удара оправиться будет ему очень и очень трудно. Единственно, где он нас сможет задержать, так это на Днестре, но это вряд ли. Река Буг считалась границей между Румынией и немецкой Украиной. Под нашими ударами крепко подорвана вера в Гитлера, имеется не мало фактов, говорящих о наличии примеров разложения в немецкой армии. Отступающие солдаты неоднократно гово-

рят о том, что Сталин гут, а Гитлер – капут. Отступающие начали вступать в пререкания с офицерами и даже в одном месте избили офицера-пропагандиста, проволокой скрутили руки и отправили судить! В одном городке эсэсовцы расстреляли одного офицера из немецкой же части, тогда солдаты этой части избили 12 эсэсовцев. Все происходящее нам в значительной степени способствует и приближает крах гитлеровской Германии. Особо крепкого сопротивления противник сейчас не оказывает, дерется только крепко там, где большие его скопления, на узлах дорог, да и то сопротивляется для того, чтоб дать выскочить этому скоплению.

Крепко тебя целую. Твой…

19.07.1944 г. …Ты все пишешь, чтоб я приехал – да это мечта не маленькая. Я даже послушал тебя и поставил этот вопрос, но сейчас жалею, т. к. в конечном итоге получил упрек: «не решил ли я, что война уже закончена». Ну что ж ладно, больше ждали, а сейчас как будто осталось ждать меньше. Представлялась одна возможность ехать на 10 дней в дом отдыха в фронт. тыла. Это где-то около вас, но не вышло. Так что этого вопроса ты в своих письмах не ставь, в этом свидании я не в меньшей мере заинтересован, чем ты.

Будешь иметь возможность съезди, посмотри, где мы дрались. Переправлялись через Днепр мы в Сваролеве. Первый населенный пункт, за который крепко дрались за Днепром, это Лютеж – от него ничего не осталось. Сзади Лютежа лес, опаленный эскарпом. Для того, чтоб зацепиться за этот лес, бойцы становились друг на друга, преодолевали эскарпы и выбивали фрица из траншей. Нашим же участком явился Вышгород, старые и новые Петровцы.

О себе писать сейчас нечего. Будь здорова. Привет Тане.

22.07.1944 г. Здравствуй, Нинусь! Должен прямо сказать, что мой приезд к тебе не состоится, т. к. сама постановка этого вопроса вызвала только неприятности. Единственно на что могу надеяться, так это на какую-либо случайность или разве сдохнет зверь в румынском королевском лесу, в котором мы вынуждены провести много.

Я здоров, но настроение поганое, не знаю и сам почему. Единственно разве, что изменится обстановка и это вольет новую струю и мы вылезем из своих земляных нор, которые осточертели порядочно. Твой намек в отношении часов меня коробит, т. к. из письма вижу, что это приложение без которого можешь обойтись, но тебе его хочется иметь. Будь счастлива, целуй Киру.

07.08.1944 г. Здравствуй, Нинусь!

Почему ты не пишешь как решился у тебя вопрос с квартирой и практикой. Я по этому вопросу писал письмо в киевский обком партии. Считаю, что в какой-то степени должны помочь. Тебе, вероятно, стало слишком мало времени для того, чтоб систематически писать, ведь не спроста ты стала писать всякую чушь, что ты ставишь о приезде, потому что прошло уже три года, что уже не можешь обходиться без часов, без которых обходилась больше 37 лет. У тебя даже оказались хорошие друзья, с которыми имеешь возможность выпить за мое здоровье, а теперь заговорила о товарке, которая осталась и начала заглядывать на хлопцев и расценивать их качества, вообщем, галиматьи порядочно. Считаю, что достаточно иметь минимум такта для того, чтоб не писать мне о таких вещах. Пожалуйста, не считай нашего брата настолько незрелыми и непонимающим того, что война в семейные взаимоотношения у очень многих внесла определенные изменения. У некоторых эти количественные изменения примут такие качества, которые безусловно нарушат семью. Но все эти вопросы, на мой взгляд, ты великолепно знаешь, и в определенных условиях нашей жизни я высказывался не раз, поэтому считаю лишним твою попытку всякой чушью растревожить меня и привести в такое состояние, когда я должен стать на путь попирательства государственных интересов, лишь для того, чтоб увидеться с тобой, а, с другой стороны, ведь все это можно расценить как попытку лега-

лизовать уже совершившиеся факты и примирить меня с этим. Не нужно это делать, воевать с тобой не собирался, если только останусь живым, выход и решение вопроса будут найдены. Я знаю на это письмо не замедлит прийти ответ с обилием эпитетов, вроде «дурной», но факт остается фактом, что за все время войны, впервые я вынужден писать тебе подобное письмо. Привет Кире и Тане.

31.08.1944 г. Здравствуй, Нинусь! Вот уже и кончился август, а завтра сентябрь. С Румынией дело можно считать в основном законченным. Прорвали такую линию обороны, что и сами удивляемся. Доты так густо были насажены, что буквально не оставили ни какого мертвого, т. е не простреливаемого пространства. Теперь все это позади. Рассчитываю, что в ближайшее дни под нашими ударами вынуждена будет капитулировать Венгрия. Я здоров, жив и этим даже сам доволен. Почему-то я стал оглядываться, т. е. часто мечтать о возвращении домой. Неужели это будет? Мне думается, что это так. Ну будь здорова. Писать крепко некогда. Целую тебя и Киру.

04.09.1944 г. Здравствуй, Нинусь! Я здоров и жив, правда нужно признаться, что за последние дни это просто какое-то недоразумение, но оно нам на руку. Будем рассчитывать и надеяться, что врагу ни хрена нашего брата не угробить. Сегодня взяли в плен венгров. Постараемся сделать все, для того, чтоб и Венгрия запросила пощады…. Будь здорова, Нинусь.

Целую тебя крепко. Целуй Киру, привет Тане. До свидания, твой…

10.09.1944 г. Здравствуй, Нинусь! Вот прошло уже порядочно время с момента как кончилось наше сидение в обороне с 19 августа, как только прорвали укрепленный район противника, мы беспрерывно наступаем. Воюем в горных условиях. Последние пять дней я был в своеобразной «туристской» экспедиции по горам. Противник никак не хотел оставлять позиции в одном горном проходе, пришлось его обходить, а обходить, это значит двигаться по горам с лесными завалами, кручами без каких бы то ни было тропинок. Вот в такую экспедицию попал и я. Задачу выполнили мы образцово и успешно, но ты не представляешь каких сил и энергии это стоит. Двигаться в горах, значит все на себе, а самое главное боеприпасы, люди бросают шинели, но боеприпасы несут, знают, что они будут решать многое, т. к. по этим горам, по которым двигались, не проходят даже вьючные лошади. Трудности на каждом шагу и с пищей и с водой. Последние двое суток двигались без маковой росинки. Моральный дух наших бойцов исключителен, преисполнен чувством законной гордости победителя. Нет ни единого случая нытья, жалобы, ни один боец не отстал в пути, хотя и двигались по существу по непроходимым местам. Прямо скажу эта картина боевого духа запомнится мне, если останусь жив, на весь отрезок остального жизненного пути. Героизм, мужество, выносливость нашего солдата такова, что навряд ли найдется художник, который достаточно полно и правдиво осветил бы эту картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.